

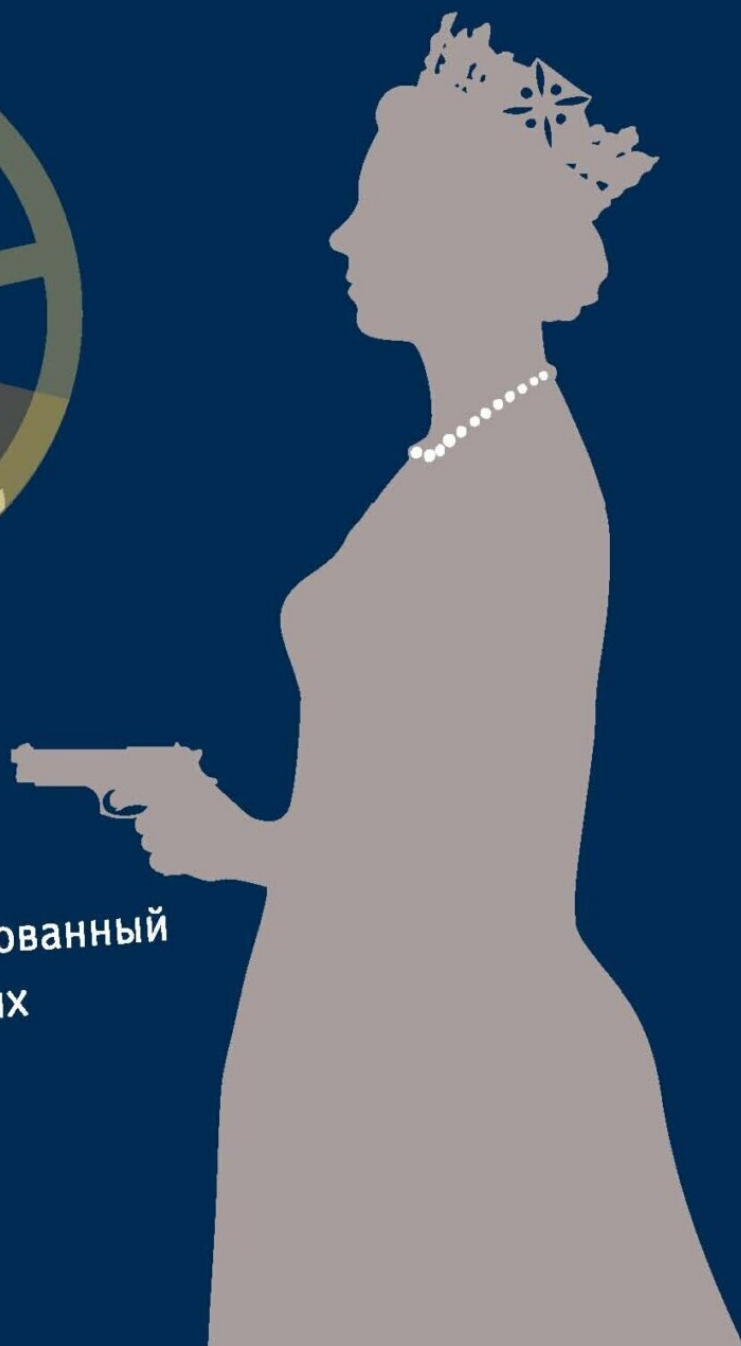
ВИКТОР ПОРЯДИН
АЛЕКСАНДР ТРАПЕЗНИКОВ

НАД БЕЗДНОЙ.

ФСБ ПРОТИВ МИ-6

политический детектив, основанный
на реальных событиях

101 прозаик XXI века

Александр Трапезников

Над бездной. ФСБ против МИ-6

«У Никитских ворот»

2022

УДК 82-3
ББК 84 (2Рос=Рус) 6.44

Трапезников А. А.

Над бездной. ФСБ против МИ-6 / А. А. Трапезников — «У Никитских ворот», 2022 — (101 прозаик XXI века)

ISBN 978-5-00170-683-0

У читателя в руках не очередная «шпионская бондиана», а роман о реальной тайной войне спецслужб, где его персонажи живут рядом с нами. Но он также и о противостоянии экзистенциальных мировоззрений, одно из которых ведет человека вниз, к тьме, к краху всего человечества, а другое – вверх, к духовному просветлению и справедливому мироустройству. И эта нравственная борьба началась не сейчас, она идет с библейских времен и, по сути своей, вечна. Но именно в наши дни мир подошел на шаг к бездне. Вот почему авторы дали своему актуальному как никогда произведению именно такое название. И читатель, закрыв последнюю страницу романа, согласится с этим, если заглянет в себя и сделает свой выбор: на чьей он стороне? Шаг за ним.

УДК 82-3
ББК 84 (2Рос=Рус) 6.44

ISBN 978-5-00170-683-0

© Трапезников А. А., 2022
© У Никитских ворот, 2022

Содержание

Время предателей	6
Близкое прошлое. 1991 год. 20 марта	12
«Тюремный роман»	17
Кабинет Грачева. 9 февраля. 19:30	22
Близкое прошлое. 1991 год. 19 августа	25
Снос памятника. Перед штурмом КГБ	29
Кабинет Грачева. 9 февраля. 21:10	33
Далекое прошлое. Начало 70-х годов	38
Кабинет Грачева. 9 февраля. 22:30	43
Как один хитрец перехитрил само КГБ	46
Объяснительная записка № 1. Из архива. Засекречено	50
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Виктор Порядин, Александр Трапезников
Над бездной. ФСБ против
МИ-6: политический детектив,
основанный на реальных событиях

*Посвящается 100-летнему юбилею образования
контрразведывательных органов*

© Порядин В.А., Трапезников А.А., 2022
© Оформление. Издательство
«У Никитских ворот», 2022

Время предателей

Бизнесмен Житников находился в разработке органов госбезопасности полгода. Были реальные основания предполагать его тесное сотрудничество с британскими спецслужбами. Два дня назад он вернулся в Москву из Лондона, где пробыл несколько месяцев. Там за Житниковым тоже наблюдали и зафиксировали его частые контакты с сотрудниками МИ-6 (английской разведкой) Ником Лайсэмом и Джоном Веллингтоном. Очевидно, это были его кураторы. Дальше тянуть нельзя, все доказательства собраны, пора брать. Тем более что в последнее время он вел себя как-то беспокойно, явно нервничал. Вообще мог взять билет на самолет в один конец. Да и свой собственный имелся.

Вербовка иностранными спецслужбами влиятельных лиц российского бизнеса, государственных чиновников, депутатов и представителей элитных слоев общества в это беспокойное и тяжелое для страны время была возможна и даже легко осуществима из-за их двойного гражданства, имевшегося за рубежом имущества и наличия счетов в зарубежных банках. Да и их семьи практически жили за границей. Дети там же учились. Чего проще? Что может быть уязвимее твоего кошелька, поскольку он является главной основой жизни? О душе можно не говорить и «любовью к Родине» не сотрясать воздух.

Руководитель группы контрразведчиков, занимавшихся этой операцией под кодовым названием «Англичанка гадит», вышел на руководство с предложением произвести задержание Анатолия Львовича Житникова. Добро было получено. Теперь Сергей Витальевич Грачев разрабатывал операцию ареста. Чтобы «комар носа не подточил». У влиятельного бизнесмена была большая охрана и много адвокатов. Да и сам он являлся публичной особой, приближенной к высоким чиновничьим кругам и ближайшему окружению Ельцина – Гайдару, Авену, Нечаеву, Чубайсу, Вавилову, Немцову, Шохину, Черномырдину и другим. Входил в бизнес-элиту современной России.

Арест планировалось провести двумя группами. Первую возглавлял сам Грачев, вторую – его заместитель по отделу полковник Алексеев. В задачу последнего входило отсечь охрану Житникова, а при сопротивлении нейтрализовать ее силовым путем. Но без всякого применения огнестрельного оружия. Не хватало еще стрельбы в центре Москвы, напротив Кремля, Думы или Белого Дома.

В столице и так каждый день идут бандитские разборки с перестрелками. Время лихое, февраль 1994 года. Вообще взять без шума. А как это сделать? Вопрос вопросов. В других публичных местах Житников попросту не бывает, даже в своих фирмах и холдингах. В них его доверенные лица заправляют. За домом олигарха на Рублевском шоссе давно было установлено наблюдение, но и там это было сделать проблематично. По тем же причинам.

Идеальным было бы задержать его не только без шума, но еще и незаметно для окружающих. Чтобы ни семья Житникова (она, к счастью, находилась в Лондоне), ни даже остававшиеся в Москве родственники, домочадцы, друзья, близкие, партнеры по бизнесу и все прочие контактеры, включая агентов МИ-6, об этом не знали и не догадывались. Пусть думают, что Житников все еще на свободе, просто по какой-то причине выпал из сферы их внимания.

А объявить об аресте можно было бы через неделю, если поднимется скандал в прессе. Семи дней интенсивных допросов хватило бы, чтобы расколоть английского информатора или перевербовать его. А тогда и объявлять не надо. Операция «Англичанка гадит» продолжится с другим смысловым наполнением. Только уже по правилам ФСБ.

Пока Грачев в своем служебном кабинете на Лубянке ломал голову над этой задачей, к нему поступил звонок от дежурного Главка. Офицер сообщил, что явился человек, предъявил паспорт на имя Житникова Анатолия Львовича и просит принять его кем-то не ниже генерала контрразведки. Вернее, настойчиво требует.

– Хорошо. Я сейчас сам спущусь, – ответил Грачев.

Это было совершенно неожиданно, чего уж никто и никак не мог предполагать. Но факт оставался фактом. Житников сам девятого февраля явился на Лубянку с повинной. Это меняло дело, открывались новые перспективы и большие возможности. Например, использовать олигарха с другой целью и в иной роли. Попробовать сыграть с МИ-6 свою собственную «шахматную партию». Такое происходит испокон веков, когда агенты, и даже резиденты вражеских спецслужб, перевербовываются и используются как двойники.

Однако карты путали происходящие в стране события. Да и сама атмосфера в обществе была пронизана духом предательств и измен. Моду эту задавали в Кремле. Плохое время для нормальной работы контрразведки.

Информационное дополнение

Новое Смутное время длилось с конца 80-х. А два года и два месяца назад великая держава прекратила свое существование. Выражаясь метафорически, СССР был предательски и подло убит в спину. Причем своими же правителями и власть предержащими. В мировой истории подобное встретить не часто, практически раз-два, и обчелся. Ну, брали осажденные крепости за деньги, подкупали военачальников. Но чтобы царь, вождь, президент или генсек в отсутствии каких-либо видимых, реальных, объективных причин потерял свою страну, как чемодан на вокзале, торопясь на поезд в западном направлении – такого еще не было.

Сначала в Вискулях на территории Белорусской ССР тайно собрались три заговорщика. Ельцин, Кравчук и Шушкевич. Потом в кремлевском кабинете президент СССР Горбачев 25 декабря 1991 года подписал свой последний Указ № 3162 «О сложении полномочий...». А затем передал символ своей власти, «ядерный чемоданчик», Ельцину. Причем не из рук в руки, словно оба боялись замараться рукопожатием, а через маршала Шапошникова, министра обороны СССР, который де-юре уже перестал существовать. И неизвестно, какой такой «обороной» руководил тогда всегда беззаботно улыбающийся маршал. Собственного мундира, что ли?

В ночь с 25 на 26 декабря 1991 года со шпилья Государственного Кремлевского дворца был спущен государственный флаг СССР. Вместо Красного знамени, под которым была одержана Великая Победа в Отечественной войне, вздернули трехцветный, морской, Андреевский. Под этим стягом выступали против Красной Армии предатели-власовцы. Что ж, все логично и закономерно. Одни символы поспешно сменили на противоположные. Близкие их душинькам и тельцам. Что тут попишешь: время предателей.

В тот же день Горбачев объявил по телевидению о снятии с себя полномочий президента СССР. О своей отставке он немедленно, словно боясь опоздать, сразу же сообщил по телефону президенту США Джорджу Бушу. Как раньше в Вискулях это сделал Ельцин. Выслушав Горбачева, «дорогой друг Жорж» сказал: «Соединенные Штаты приветствуют и поддерживают исторический выбор в пользу свободы, сделанный новыми государствами Содружества. Несмотря на потенциальную возможность для нестабильности и хаоса, эти события явно отвечают нашим национальным интересам».

А в октябре прошлого, 1993 года, всего четыре месяца назад последовал еще и сакральный «контрольный выстрел в голову», когда уже Ельциным и его камарильей был расстрелян из танков Верховный Совет Российской Федерации. Грачев в эти дни находился в командировке в Берлине по делу одного беглого банкира. Спустился из своего гостиничного номера в холл, где стоял телевизор, включил его. И что же он там увидел, пока в расслабленном состоянии усаживался в кресло напротив? А по телевизору беззвучно, без комментариев показывали следующие кадры. Напротив здания Верховного Совета Российской Федерации стояли танки и в упор расстреливали его этажи с людьми.

Вскоре к Грачеву присоединился его коллега и помощник Алексеев. Это были как раз те октябрьские события, когда Ельцин, по сути, произвел государственный переворот, решив уничтожить Парламент в своем противостоянии с Руцким и Хасбулатовым. Грачев насчитал четыре танка, но, может быть, их было и больше. Как потом выяснилось, сидели в них добровольцы из уволенных в запас военнослужащих, причем, наверное, за немалые деньги. Карьерные офицеры на это бы не пошли. Честь бы свою не уронили.

ГКЧП против Ельцина и его подельников бронетехнику не применял, а вот он не колебался, получив, должно быть, добро из американского Госдепа. Направить армию против своего народа? Начать практически гражданскую войну? На это даже Горбачев не решился. При чем телевизионную картинку показывали не российские операторы, а американская компания Си-Эн-Эн. Изредка корреспонденты что-то верещали на английском.

Грачева и Алексеева охватили в тот день не только горькое удивление и разочарование, но и обида за свою страну. За москвичей, которые кучками стояли на Крымском мосту, возле здания СЭВ, поодаль от Белого дома, равнодушно созерцали это зрелище, а многие из них веселились, лопали из пакетиков попкорн и радовались каждому залпу из орудий. Часто даже аплодировали, как в цирке. Что у них в головах? Над чем смеетесь? Кому хлопаете? Не ведают, что сказал Христос: «Горе вам, смеющиеся ныне».

Сергей Витальевич долго не мог поверить и прийти в себя от увиденного. А здание на верхних этажах Верховного Совета уже горело, тянулись клубы серого дыма. Белый дом, названный так подражательно на американский лад, превращался в черный. Наемники стреляли кумулятивными снарядами, как потом выяснилось. А это еще страшнее и мучительнее, ведь если заряд попадал в помещение, то у находящихся в нем людей должен был разорваться мозг. Депутаты сидели в подвальных этажах, а пострадали в основном обычные служащие Верховного Совета.

У Грачева все внутри колотилось, в голову лезли сумбурные мысли с тяжелыми вопросами: «Как такое возможно? В якобы цивилизованной свободной стране, с таким демократическим президентом и правительством, как представляют себя на каждом углу Ельцин, Чубайс, Гайдар и иже с ними? Есть ли у них вообще совесть, нравственные законы? Да будь их воля, они всю страну, не колеблясь, зальют кровью, лишь бы не отдавать доставшуюся им власть».

Он набрал номер руководства и сказал, что они задержатся в Берлине еще на три дня. Обстоятельства требуют. Зачем это сделал, ведь билеты на завтрашний самолет уже лежали в его кармане? Потому что знал, что когда они прилетят в Москву, их обязательно задержат в арестах сподвижников Руцкого и Хасбулатова. А ему этого не только не хотелось, но было даже противно. Алексеев придерживался того же мнения. Пятнать свое имя, замазаться грязью? Нет уж, для этого найдутся другие исполнители. Мало ли сейчас таких в органах правопорядка и спецслужбах? Переобуются в воздухе, только подкинь новые башмаки.

Все летело кувыркком в бездну, переворачивалось с головы на ноги. Хаос, на который намекал Буш-старший, не только назревал или стучался в двери, а уже давно прочно пролез во все щели и окна и всю хозяйничал внутри Российского Дома. Грачев хорошо помнил, как все начиналось и происходило, поскольку по долгу службы находился если не в центре, то, по крайней мере, рядом и внутри событий. И вспоминал позже об этом часто. Слишком мало прошло времени, чтобы отпустить.

...А сейчас прошел первый допрос Житникова. Это и допросом-то было назвать нельзя, просто ознакомительный разговор, хотя беседа записывалась на диктофон и стенографировалась. Кроме Алексеева, присутствовало еще несколько коллег Грачева. Второе Главное управление, в котором они все работали, считалось элитным подразделением ФСБ. Чисто контрразведывательным.

Непосредственно соприкасалось со спецслужбами противника. Грачев в этом Главке занимал должность начальника контрабандного отдела, курировавшего экономические и финансовые преступления, коррупционные схемы, криминал.

Предварительные показания были уже сняты. К Житникову оставалось еще много вопросов, но это потом. В кабинете они остались одни. Наверху решался вопрос об обоснованности взятия бизнесмена под стражу, о его дальнейшей судьбе, а пока Житников старательно писал обо всем, что интересовало контрразведку. Так называемую Объяснительную записку. Когда, как, где был завербован британской разведкой. Почему пошел на сотрудничество? Мотивация этого поступка? Что явилось первоначальным посылом? Короче, как говорится, явки, имена, пароли...

«В принципе, мотивы ясны, – думал Грачев. – В его среде почти каждый второй с радостью готов изменить и предать. Переметнуться к врагу. За еще более сладкую коврижку, хотя и здесь уже обожрались всем, чем можно. Время такое, подлое. А вот почему он явился добровольно, с повинной? Какая тут мотивация? Они победители, во власти, в бизнесе. Грабь, не хочу. На инициативника не похож. На провокатора тоже. Человек умный, опытный, зрелый, привык все рассчитывать и просчитывать. Во всем искать выгоду. А здесь какая? Тюрьма, нары, баланда. А может быть, его специально подкинула нам британская МИ-6? Но ведь и там не дураки сидят. Тоже что-то умеют. Знают, что расколоть Житникова будет нетрудно».

Напротив спортивно-поджарого Грачева расположился за столом его сорокапятилетний ровесник, несколько одутловатый, с бесцветным лицом, чуть лысоватый, среднего роста, с обычной внешностью среднестатистического мужчины. Нос только длинноват. Встретишь такого на улице или в метро – и тотчас же забудешь. Но «такие» в метро не ездят, и по улицам просто так не ходят. У них иномарки с личными шоферами и телохранителями.

«Именно с такой внешностью очень хорошо быть разведчиком-нелегалом, – подумал Грачев. – А стал олигархом. Ну, ничего. Все еще поправимо ровно наоборот».

– Анатолий Львович, а что вы делали 19 августа 1991 года? – неожиданно спросил он, явно с иронией.

– Разве это имеет какое-то отношение к делу, Сергей Витальевич? – ответил Житников с некоторым недоумением. – И об этом писать?

– Нет, не нужно.

– Ясно. Просто ради паузы, так? Ну, давайте поговорим и об этом. Дайте-ка припомнить... Да на площади был, рядом с танком, на который Ельцин вскарабкался. Короче, в числе его ближайшего окружения. Точнее ничего припомнить не могу. Все были охвачены какой-то эйфорией. А это как в наркозе перед хирургической операцией.

– Очень образно выразились, по существу. Именно операции. По удалению мозга.

– Теперь-то я это понимаю. А тогда было одно чувство: торжество. Никто ведь не сказал бы, как Швондер в «Собачем сердце»: это какой-то позор.

– Почему же? Говорили. И довольно многие. Может быть, даже больше половины. Но один лагерь в разделившейся стране не слышал другой. И не желал слышать. Хотите знать, что я сам обо всем этом думаю? Как убивали СССР? Как намеренно разваливали КГБ?

– Хочу, – с некоторым удивлением ответил Житников, отложив ручку.

– За годы своей службы я объездил многие регионы СССР. Знал, что происходит в национальных республиках и окраинах. Уже к концу восьмидесятых годов стал набирать обороты один из важнейших факторов задуманной перестройки – демонтаж советского народа. Само это понятие должно было исчезнуть из сознания общества. Особенно в других республиках СССР. Исподволь стала культивироваться мысль, что население СССР вообще не является народом. Под этим лозунгом националистические элиты, а точнее – «этнические предприниматели», создавали свой отдельный хаос в республиках, захватывая собственность своих же народов.

Как этому было противостоять, какими силами? Начиная с 1989 года, пресса так крушила правоохранительные органы, что, например, в московской прокуратуре за два месяца уволились почти все следователи. Не хотели работать в обстановке травли. А в газетах насаждали идею: «Лучше оставить на свободе десять преступников, чем посадить в тюрьму одного невиновного».

Я хорошо помню, как начиналась большая кровь в Средней Азии и на Кавказе. Ездил туда в командировки. Проводил расследования совместно со следователями по особо важным делам из МВД и Генеральной прокуратуры. Погромы армян в Сумгаите, резня в Ферганской долине, Баку и Тбилиси, а самое раннее – в Алма-Ате, 1986 год. Когда был снят Первый секретарь Казахской ССР, этнический казах Кунаев, а на его место, нарушая заведенную традицию, назначен русский Колбин. Это сразу же вызвало резкие столкновения в столице республики. Горбачев сделал это по глупости или намеренно?

– Не знаю, – ответил Житников. – Думаю, он сам не слишком-то понимал, куда ведет страну.

– Согласен. А гражданская война уже начиналась. Этническая, а это самая страшная. Бандформирования в Фергане стали вырезать турок-месхетинцев, сжигать их живьем, вспарывать животы, отрезать все, что можно отрезать. Поверьте, мне, взрослому человеку, старшему офицеру, видевшему в своей жизни много, невозможно это вспоминать.

Закалывали, как баранов, целые семьи, вместе с детьми и младенцами, насиловали девочек. Убивали открыто, демонстративно, словно проверяли: как отреагируют местные власти и в Москве? А те практически никак не реагировали. Косметически. Власть направила против вооруженных автоматами бандитов безоружных курсантов. Дескать, нельзя стрелять в граждан, у которых проснулось «демократическое национальное сознание».

Горбачев своим бездействием «разрешил кровь». Снял запрет на организованные массовые убийства по национальному признаку и на изгнание русских. Сожжение в Андижане шестерых безоружных русских солдат в автобусе было «прощено» Горбачевым, стало сигналом к валу убийств. А Яковлев в это время сновал между Баку и Ереваном и разыгрывал карту Нагорного Карабаха. Одним говорил: «я ваш», другим противоположное: «ваш я, ваш». «Вы только начинайте». То есть, сталкивал лбами.

В Чечне стояли значительные силы, гарнизоны и части Советской Армии, действовали КГБ и МВД. Федерального подчинения, к слову. Дудаевцы схватили офицера КГБ, который по долгу службы находился на очередном митинге. Центральное телевидение вело прямой репортаж, передало встречу репортеров с задержанным офицером. А через два часа то же ЦТ сообщило, что дудаевцы выдали властям его труп. С мотивировкой: «Он был судим и казнен народом».

Перед всеми этими событиями то же телевидение и СМИ запускали процессы «разрушения империи зла». А по сути, шел слом сложной системы национальных отношений, которая была тщательно и системно выстроена за 200–300 лет. И в этом процессе участвовал весь цвет либерально-демократической элиты. Советник президента Галина Старовойтова заявляла: «СССР – последняя империя, которую охватил всемирный процесс деколонизации... Наше государство развивалось искусственно и было основано на насилии».

– А разве не так?

– Бросьте. Все это лживая пропаганда, рассчитанная на обывателя. В СССР никогда не было колоний. Не мне вас учить матчасти. За все годы Советской власти сохранились все малые народы и народности, а их было и осталось более ста. И языки, заметьте.

– Сто пятьдесят, – поправил Житников.

– Вот видите, сами знаете. Как говорится, орды русских поработителей врывались в кишлаки, аулы, стойбища, а когда уходили, оставляли там школы, больницы, обсерватории,

железные дороги. Эти слова принадлежат этнопсихологу начала века Овсяннико-Куликовскому, ныне подзабытому. За точность цитаты не отвечаю, но суть верная.

– Хотите сказать, что перестройка стравливала народы и нации СССР? По чьему-то злому умыслу?

– Насчет «умысла», это отдельная тема. Но она, по сути, не только стравливала, намеренно возбуждала агрессию этносов, делала их тараном в стены и ворота крепости единого государства. А Горбачев и другие его сподвижники сами открыли эти ворота. То есть показали путь этнократическим режимам в союзных республиках.

– Да и возглавили их, как правило, первые секретари партии, – согласился Житников. – Вот что особенно смешно. Был «товарищ Ниязов», стал «Туркмен-баши» со своей десятиметровой позолоченной статуей в центре Ашхабада. Так этот идол еще и поворачивается вслед за лучами солнца, от рассвета до заката.

– Действительно смешно, – кивнул Грачев. – А взять хотя бы «первых ласточек» в 1988 году в Прибалтике, все эти «Народные фронты», «Саюдисы»? Ведь они возникли при поддержке руководства ЦК КПСС и лично Александра Николаевича Яковлева. Вот что я вам со всей достоверностью скажу: эта «прибалтийская модель», придуманная и вброшенная, как пробный шар, задавала смысловую, культурную, идеологическую матрицу и для всех остальных националистических движений в других союзных республиках. И почти во всех были организованы и спланированы кровавые инциденты. За исключением Белоруссии.

– Белорусы несколько туговаты и медлительны, всегда опаздывают.

– Да? Но почему-то они не опоздали к войне с фашистами. Первыми стали создавать партизанские отряды и бить врага... Ладно, сделаем перерыв и попьем чая.

Близкое прошлое. 1991 год. 20 марта

Грачеву, уже работавшему в Центральном аппарате на Лубянке, часто приходилось выезжать в разные территориальные органы КГБ. Но наиболее яркими событиями запомнилась ему командировка в Киргизию в марте 1991 года. Окраины СССР уже «трещали по швам». Тогда он еще был полковником. Грачев отправился во Фрунзе вместе с Алексеевым, чтобы оказать содействие местному отделу КГБ в организации контрразведывательной работы по выявлению и пресечению деятельности организованных преступных групп. Но не только.

Одновременно им поручалось негласно изучить обстановку в оперативных подразделениях КГБ Киргизской ССР. А также возможное сращивание оперативного состава с криминальным миром. И как влияет националистический сепаратизм в этой республике на кадровую политику в Комитете. Задача не легкая. И опасная. Национализм всюду приобретал звериные черты.

Для начала Грачев и Алексеев в общих чертах обсудили предстоящую поездку. Через отдел кадров Главного управления выяснили, кто из русских работает в КГБ Киргизии и как они характеризуются. Получили информацию, что заместителем экономического отдела в Киргизии продолжительное время работает Макаров Сергей Викторович. Оценка его работы положительная, профессионал своего дела, хорошо знает обстановку в органах КГБ республики, в экономике и в целом по Киргизии.

А самое главное и существенное в это смутное время – надежный человек и патриот СССР. Для себя они решили, что деликатные вопросы об обстановке в чекистских органах Киргизии будут решать через Макарова. Других подходящих кандидатур не виделось. И в тот же день вылетели во Фрунзе, который очень скоро станет Бишкеком.

В самолете между ними состоялся краткий диалог, просто обмен мнениями.

– Если мы будем потакать выпячиванию пещерного национализма, как делают это нынешние политики, поливать грязью представителей других этносов, мы развалим страну, в чем русский народ не заинтересован, – высказался Грачев. – Большинство граждан проголосовали на только что прошедшем референдуме за сохранение Союза. И русские, и киргизы, и прочие.

– Это еще ни о чем не говорит. Не 76 процентов населения СССР будут решать этот вопрос, а кучка высших политиков, пять-шесть человек, не больше, – ответил Алексеев. – И заметьте. Некоторые идеи национализма бродят и среди русских. Уже заявляют о какой-то чисто Русской республике. Сибирской, Уральской. Есть планы и об отделении Дальнего Востока.

Они тогда только начинали работать вместе. Еще присматривались друг к другу, притирались, как говорится. Грачев пришел в Центр из УКГБ по Воронежской области, Алексеев – из Смоленского регионального управления.

– Да, знаю. Даже Распутин, выдающийся, на мой взгляд, писатель, выступил на сессии Верховного Совета и сказал, что надо бы подумать о выходе РСФСР из СССР. Что это: эпатаж или недалекость?

– Всеобщий туман, покрывший даже самые умные головы. Лучше бы он не ходил на эти толковища, а продолжал вести писать. Человек просто не разбирается в политике. Если даже гипотетически принять выход России из СССР, то это как домино повлечет за собой бегство всех других союзных республик. Куда? К другим центрам силы. Они найдутся тотчас же, не сомневаюсь. Те же Штаты, в первую очередь.

– А еще хуже – начнется гражданская война всех со всеми, – кивнул Грачев. – Русские всегда жили в согласии и мире с другими нациями и этносами, испокон веков населявшими нашу страну. И при этом оставались русскими. Не теряли своих корней. Вот я за такой нацио-

нализм. И он в интересах русского народа. В этом смысле я самый правильный и самый настоящий националист, если хотите.

Алексеев усмехнулся:

– Хочу. Но если вы один, то этого мало. Впрочем, не один. Я тоже. У нас есть единомышленники?

– Есть. Почти 240 миллионов человек, – ответил Грачев.

Они нашли общий язык. С тех пор его не теряли.

Самолет приземлился на местном аэродроме, а едва они вышли, их встретило яркое весеннее солнце и бодрящий, чистый горный воздух. А кроме этого природного благорастворения ждал еще вместо Макарова, как они надеялись, молоденький киргиз в штатском, представившийся Саткуловым.

– Только что назначен начальником Экономического отдела КГБ Киргизии, – отработовал местный чекист.

– А с какой должности? – поинтересовался Грачев.

– До этого был просто оперуполномоченным, – простодушно отозвался Саткулов.

– Тогда поздравляем, – криво усмехнулся Алексеев.

Это сразу вызвало настороженное отношение у опытных контрразведчиков. Такое быстрое карьерное назначение, как они оба знали, происходило в рамках проводившейся политики по вытеснению русских со всех руководящих постов. Не только здесь, но и в других союзных республиках. Опытнейшего зама начальника отдела Макарова прокатали, а Саткулова сразу через три ступеньки произвели в руководители.

Обычно у комитетчиков в каждом городе имелись свои неприметные гостиницы без вывески. Но здесь их разместили в самой престижной, предназначенной лишь для высоких партийных бонз. Очевидно, чтобы были покладистей. Они, не мешкая, приступили к работе. С помощью Макарова с кадровой политикой разобрались быстро.

Как и предполагали, ничего нового для себя не нашли. В Киргизии, как и везде на советских окраинах, процветал националистический сепаратизм. В местном КГБ на второстепенных должностях было всего пять русских сотрудников. Остальные либо уволились, либо перевелись для дальнейшего прохождения службы в Россию.

В первый день командировки их представили начальнику КГБ Киргизии генерал-лейтенанту Асанткулову. Это был высокий, статный, красивый киргиз, на вид лет пятидесяти пяти, полгода как назначенный на эту должность из Центра. До этого он не один год проработал в руководстве Первого Главка КГБ СССР. И Центр с его назначением, по-видимому, связывал устойчивую работу этого органа в Киргизии, где обстановка также была сложной. Надежды не оправдались. Там, под давлением партийных органов Киргизии, у самого Асанткулова проснулись нереализованные националистические ожидания и расцвел кадровый «расизм» во вверенном ему КГБ.

Разговор, который Грачев и Алексеев вели в самолете, они продолжили на улочках Фрунзе. В своем гостиничном номере, по совету Макарова, говорить не решились. Там могла быть установлена «прослушка». Он же и присоединился к ним, разъясняя ситуацию в Киргизии. Жаловался на притеснения русских и бездействие милиции и чекистов, теперь они были почти сплошь из киргизов.

Приводил случаи беззакония. Например, только несколько дней назад в наполненном киргизами автобусе, на глазах у всех было массово изнасилована русская девушка, учительница. Преступники даже не были задержаны, хотя имелись десятки свидетелей-очевидцев.

– Нет, надо валить отсюда, – горько сказал он в конце разговора. – Добром это не кончится. Или самого убьют, или бомжем здесь стану. А во главе всей этой вакханалии стоят первый секретарь ЦК Киргизии Насирдин Исанов и начальник КГБ генерал Асанткулов. Я вам о них много чего могу рассказать, компромат имеется.

Информационное дополнение

В СССР до последнего времени еще не было реальных националистических движений. Местным элитам они были попросту не нужны. Им и так всего хватало. В главной сфере хозяйства и материальном производстве межэтнической конкуренции не было. Но она уже появилась в сфере распределения и управления. И как только в Центре был декларирован «переход крынку» и возникла перспектива приватизации всего и вся, республиканские элиты в самые короткие сроки создали националистическую идеологию и внедрили ее в массы, в сознание соплеменников. А в этом деле тут же получили одобрение и поддержку главных идеологов перестройки в Центре – Яковлева и других «архитекторов и прорабов».

Видоизменялась лишь модель сепаратизма в соответствии с традициями той или иной республики. В Грузии, например, националисты сначала обострили конфликт с абхазами и осетинами. Затем, совместно с Кремлем, организовали трагические события в Тбилиси в апреле 1989 года, бросив в жертву Молоху 19 человек. После этого все движения в Грузии, включая коммунистов, стали требовать независимости. И выбрали президентом крайнего радикала, неадекватного З. Гамсахурдиа. Что он потом вытворял и как кончил – отдельная тема, но хуже некуда. И для Грузии, и для себя лично.

Что еще показательно? Демократы в Центре поддерживали лишь национальный анти-советизм и русофобию. И крайне негативно оценивали движения национальных меньшинств в союзных республиках, когда те же абхазы, осетины, гагаузы, каракалпаки и другие малые народы искали защитника от грузин или молдаван в СССР и России, проявляя русофилию. Этакая выборочная «демократия» с двойным стандартом.

А когда в 1990 году на выборах народных депутатов РСФСР победили радикальные демократы, Верховный Совет стал оказывать всем актам суверенизации союзных республик безоговорочную поддержку. Были заключены двусторонние договоры между РСФСР и Украиной, Казахстаном, Белоруссией, Литвой, Молдавией. Экономического значения они не имели, но выражали политический смысл. Впервые союзные республики выступили демонстративно как суверенные государства. И это еще при «живом» СССР, за год до его распада.

Дело не только в личностях. Это был «коллективный Горбачев» и «коллективный Ельцин». Вот такое метафизическое объяснение. А уж структуру вод и разнообразный вид молекул и бактерий в этом мутном потоке следует изучать и анализировать отдельно, под микроскопом. Этим потом займутся историки-биологи.

Факты же таковы. Первый. Еще в феврале 1990 года Верховный Совет СССР принял «Основы законодательства Союза ССР и Союзных республик», где земля и ее недра были определены как собственность народов, проживающих на данной территории. Не всего советского народа, как было по Конституции 1977 года, а отдельных этносов. И это было первым шагом к разделению общенародной собственности, первым сигналом к старту сепаратизма.

Второй. Вдогонку в июне 1990 года уже I Съезд нардепов РСФСР принимает «Декларацию о суверенитете». То есть о верховенстве республиканских законов над законами СССР. Еще один звоночек к старту в «беге к отдельным квартирам». Затем последовали Закон «Об обеспечении экономической основы суверенитета РСФСР», который перевел предприятия союзного значения под юрисдикцию России. И Закон о бюджете на 1991 год, который вводил одноканальную систему налогообложения, что лишало союзный Центр собственных финансовых источников. Остальное было «делом техники».

Вслед за РСФСР такие же законы и декларации приняли союзные и автономные республики. Они уже содержали официальную установку на создание этнических государств, вообще на отказ от СССР. Ну а в СМИ появились различные проекты создания вместо СССР конфедерации «Сообщество...», «Содружество...» и т. д. Такова механика распада.

Во время командировки Грачева и Алексеева в Киргизию как раз состоялся общесоюзный референдум о сохранении СССР. Сама формула референдума была некорректной, включала в себя несколько вопросов и допускала их различные толкования. Итоги голосования должны были подводиться в каждой республике в отдельности. То есть подсчет голосов был отдан на откуп местным элитам. Рассчитывали на то, что они «подсчитают как надо, себе не в убыток».

Но и тут Центр промахнулся. Видно, еще сильна была в населении СССР гражданская общность. И хотя власти Литвы, Эстонии, Латвии, Грузии, Молдавии и Армении отказались от проведения референдума, но все равно в нем приняли участие 80 % избирателей СССР. 76, 4 % из них высказались за сохранение СССР. Решающей роли это уже, к сожалению, не играло, «процесс пошел», а про-властные политические движения результат референдума попросту игнорировали.

Характерно и симптоматично, что в Москве, где, по сути, находился штаб главных могилыщиков СССР. Более половины жителей столицы были зомбированы СМИ и телевидением. Они проголосовали против сохранения своего государства. А главным результатом референдума было то, что он практически исподтишка узаконил саму возможность роспуска СССР, который в массовом сознании был незыблемым символом.

Генерал Асанткулов принял московских чекистов приветливо, доброжелательно, внешне дал карт-бланш на свободу действий и ознакомление с имеющимися материалами и документами по интересующей их линии работы Комитета. Но это было на словах, с восточной хитростью, на деле же все оказалось иначе. Препоны почувствовались сразу.

Складывалось впечатление, что руководящему и оперативному составу даны были негласные указания общаться с ними как можно меньше, а тем более ничего не предоставлять и не знакомить их с интересующими материалами. Но, несмотря на такое прохладное отношение, после двухдневного общения с Макаровым и другими русскими сотрудниками, для которых была неприемлема складывающаяся в республике ситуация по борьбе с организованной преступностью, Грачеву и Алексееву в общих чертах стали понятны происходящие в Киргизии процессы.

В полную силу ощущалась национализация кадров. В ротации упор делался в первую очередь не на профессионализм, а на принадлежность к своей нации. На всех руководящих постах вместо русских ставились именно киргизы. Вот откуда «выплыл» и Саткулов вместо Макарова. Более того, повсеместно, и особенно в правоохранительных органах, внедрялась практика покупки должностей и устройство на работу за определенную плату. Просто восточный базар какой-то:

– Вам сколько звездочек на погоны взвесить? А орден не изволите прикупить?

При такой «торговле» в правоохранительную систему хлынул поток лиц с криминальным прошлым. Словом, картина удручающая. Полный букет киргизского разноцветья и разнотравья: переплетение власти, бизнеса, криминала, судов, органов правопорядка и безопасности. В таком тесном сращивании почему не жить вольготно и сладостно?

Проверки преступлений начинались только по указанию сверху. И то, в основном, если в поле зрения попадал русский по национальности. Расцветало и «телефонное право». Коррупция, словом, пронизывала всё и вся. Создавалось впечатление, что происходит полная разбалансированность управления республикой, незаинтересованность Москвы в наведении порядка, а на местах, используя благоприятную создававшуюся ситуацию, быстрым темпом готовятся к независимому обустройству Киргизии. Это уже вопрос измены и предательства. Прямая работа для контрразведчиков Грачева и Алексеева.

О результатах работы они коротко по «закрытому каналу связи» из КГБ Киргизии доложили в Центр и согласовали возвращение в Москву через день. Спецтелефон имелся только

у генерала Асанткулова. Он любезно предоставил его и даже деликатно оставил их одних в своем кабинете. Но, видимо, «закрытый канал связи» оказался не совсем «закрытым». Кому надо, тот тоже слушал.

«Тюремный роман»

В конце командировки они прогуливались по Фрунзе, любовались архитектурой, а попутно, на свежем воздухе, где была уверенность, что тебя не прослушивают, обсуждали итоги работы. На обратном пути, когда они шли к зданию Комитета, чтобы попрощаться с Асанткуловым, вылетевший из-за угла грузовик, мчавшийся со страшной скоростью, едва не смял их в «киргизскую лепешку». Но оба контрразведчика были людьми спортивными и тренированными, к тому же постоянно начеку. Успели в прыжке отскочить в разные стороны. Черный грузовик, как смерч, пропал из поля видимости.

- Как вы? – спросил подполковник Алексеев, поднимаясь с земли.
- Нормально. Номер, конечно, не запомнили? – Грачев чистил куртку от грязи.
- Какой там! Только три цифры. Бесполезно. Все равно не найдут.
- Будем докладывать об этом происшествии Асанткулову?
- А зачем? И так все ясно.

В здание КГБ они все-таки пошли, надо же хотя бы попрощаться с «гостеприимными хозяевами». Но на работе генерала не оказалось.

Дежурный доложил, что вообще почти никого нет, все выехали в местную колонию, там произошел захват заложников.

- А Макаров тоже там? – спросил Грачев.

Киргиз-охранник тяжело вздохнул.

– Увы, три часа назад получили печальное известие. Макаров застрелился на своем рабочем месте из табельного пистолета. В висок.

- Можно пройти в его кабинет?
- Он уже опечатан. У меня нет таких распоряжений.
- А труп? В каком морге? Хотелось бы взглянуть. Или опять «увы»?
- Так точно. Морги в городе переполнены, и тело Макарова, по распоряжению генерала Асанткулова, было отправлено в крематорий.

Московские контрразведчики понимающе переглянулись.

– Странно, – произнес Алексеев. – Как-то это не вяжется. Мы общались с ним, он не походил на человека, стоящего у последней черты с пистолетом у виска. К тому же у него были другие планы. Собирался переехать в Россию.

Дежурный в ответ только равнодушно пожал плечами.

- Дайте адрес местной колонии, – сказал Грачев. – Мы едем туда.

Хотелось посмотреть и оценить, как будут действовать киргизские органы власти, государственности и правопорядка в подобной критической ситуации. Для дополнения к отчету о командировке. Они решили обязательно включить туда и «черный грузовик», поскольку это было явным покушением на их жизнь, и убийство Макарова, в чем не сомневались. И все действия генерала Асанткулова, вернее, бездействия.

Как правило, на подобные чрезвычайные происшествия собирается весь местный «бомонд». Кроме тюремной администрации и службы исполнения наказаний, партработники, прокуроры, чекисты, милиция, врачи, пожарные и т. д. Чем меньше город, тем больше служилого народа. Развлечений-то мало, а тут такой бесплатный спектакль, да еще наверняка со стрельбой в финале.

Генерал Асанткулов несказанно удивился, увидев Грачева и Алексеева живыми и здоровыми. Потом заметно погрузнел.

- Что случилось с Макаровым? – спросил Грачев.
- Убит, – ответил начальник УКГБ по Киргизской ССР. Что было на уме, то и слетело с языка. Киргизы ведь, как дети. Но он тут же поправился: – Застрелился. Наверное, болел чем-

то. Такая печальная новость! А каким ценным был сотрудником! Мы его обязательно наградим посмертно.

– А здесь что происходит? – поинтересовался Алексеев.

Выяснилось: заключенный Полетаев, русский, воспользовавшись нерасторопностью охранника, прапорщика Утанбаева, нокаутировал его и завладел табельным оружием. После чего захватил в заложницы библиотечаршу, на ее несчастье оказавшуюся рядом. Потом укрылся с ней в той же библиотеке. Требований пока никаких не предъявлял, на переговоры не идет.

– Наверное, увлеченно книги читает, там много хороших детективов, – пошутил Асанткулов. С чувством юмора оказался генерал.

– Что думаете предпринять? – спросил Грачев.

– Вопрос с высшим руководством республики уже согласован. Принято решение на уничтожение заключенного. Ждем снайперов.

Ситуация приобретала траурное звучание. Москвичи поняли, что с Полетаевым церемониться долго не будут, ликвидируют на раз. А то и вместе с библиотечаршей, до кучи. Тем более что оба они русские по национальности. Отстреляются по «мишеням» с удовольствием. Тут как раз снайперы и прибыли. Целых два десятка киргизов. Начали расчехлять снайперские винтовки с оптическим прицелом.

– Генерал, я прошу вас отложить операцию до полного разбирательства, – произнес Грачев. – Мы должны запросить дополнительные данные об этом заключенном.

– А я вам не подчиняюсь, – с вызовом ответил Асанткулов.

Тогда вмешался подполковник Алексеев, решив блефануть:

– Директор КГБ Крючков дал нам особые чрезвычайные полномочия. И вы со всеми вашими сотрудниками переходите в подчинение полковника Грачева. Показать соответствующее секретное распоряжение? И знайте еще, что в Москве ветер подул в другую сторону. Скоро во всем СССР будет наведен строгий жесткий порядок. Киргизии тоже не поздоровится.

Асанткулов несколько смутился, подумал и с неохотой выдал из себя:

– Ладно, будь по-вашему. Тогда распоряжайтесь здесь сами. А я умываю руки.

– Только с мылом, – бросил ему вслед Алексеев.

Потом они ознакомились с затребованной характеристикой Полетаева. Она оказалась положительной, нарушений режима не было. В колонии ему оставалось отбывать наказание всего полгода. Зачем было захватывать заложницу? Картина вырисовывалась странная. Мотивы заключенного понять трудно. Нервный срыв? Или что-то другое?

– Кстати, Олег Карлович. Что вы собирались показать Асанткулову, если бы он стал настаивать на предъявлении «секретного распоряжения Крюčkова»? – поинтересовался Грачев с улыбкой.

– Фигуру из трех пальцев, – ответил тот, усмехнувшись. – Они точно как малые дети, всему верят. Но дети порой очень жестокие и коварные.

– Вы правы. Что предлагаете по ситуации?

– В прошлом году у меня была подобная ситуация в Смоленске, где я работал в местном КГБ, до перехода в Центр. В местной тюрьме шесть отпетых рецидивистов разоружили конвой, захватили трех сотрудниц колонии и двух охранников, забаррикадировались с ними в одном из помещений. На переговорах выдвинули требование, чтобы им предоставили один миллион долларов, автомашину и свободный выезд за рубеж. В противном случае грозились убивать заложников каждые полчаса. Произвели за дверью несколько выстрелов. Обстановка там складывалась куда как хуже этой.

– И как вышли из ситуации?

– Предложил преступникам обменять себя, полковника КГБ, на захваченных заложников. Рецидивисты согласились на такой обмен. После того как я переместился к заключенным

в их укрытие, они через час отпустили перепуганных женщин. Охранников пока оставили при себе. Потом, еще через час, и их отпустили. А еще через полчаса мы уже вышли вместе.

– Я не сомневаюсь, что вы человек смелый и решительный, но запрещаю вам это делать.

– Сергей Витальевич, я заканчивал факультет психологии МГУ. И психиатрическое отделение в первом меде. Моя кандидатская посвящена теме особенностей психики преступников.

Помолчав, он добавил:

– Кроме того, добросовестно посещал семинар «Методы общения с уголовным элементом» на Высших курсах КГБ в Минске и проштудировал от корки до корки пособие «Асоциально-преступная сфера русского языка в речевой палитре криминальной России», где собрано более шести тысяч слов и понятий, которые существовали ранее и существуют поныне во всех «блатных словарях».

Грачев, признаться, этот спецсеминар на курсах часто игнорировал, думал, не пригодится. Сейчас с любопытством спросил:

– И какой же арсенал знаний из этого пособия вы применили? Пасть порву, моргалы выколю?

Алексеев усмехнулся:

– Это устаревшие словосочетания, не катят. Можно, например, так, чтобы встать на один уровень с уголовниками: «Слышь, бродяги, заманухи тут нет, не тот я фраер, чтобы вас лечить, дурку-то в скворечне не включайте. Да любой босота, блатота или хоть активист из пернатой стаи будет только лупетками брызгать, когда раскокают, что я до вас имею. Потому как в масть, в цвет и в жилу, а не фуфел тарахчу в падлю, по ништяку, короче. Отвечаю рубль за сто, чичи-гага!».

Грачев посмеялся. Алексеев продолжил:

– Иногда можно вести менее «ласковый», но предметный деловой разговор. Включить у преступников разум, нивелировав эмоции. Найти в сердце и душе самое слабое место. Если позволяет время. По-всякому можно вести переговоры, главное, достигнуть положительного результата. После того как смоленские преступники прониклись ко мне определенным доверием и расположением, а может быть, даже и уважением, я обрисовал им дальнейшую перспективу в случае продолжения требований. Они разоружились и сдались.

Грачев тоже с уважением посмотрел на него, не ожидая таких «блатных способностей». Алексеев добавил:

– Я умею убеждать и договариваться с собеседниками, «перетягивать их на свою сторону», проще говоря, по-нашему, вербовать. Поэтому меня и позвали в КГБ. И я прошел многие горячие точки в обоих полушариях Земли, от Анголы до Никарагуа. А на то, чтобы расположить к себе тех смоленских уголовников, мне хватило двух часов. Тут же всего-навсего один, явно запутавшийся или доведенный до отчаяния человек.

– А причина этого?

– Думаю, в администрации колонии. Возможно, в постоянных издевательствах, насилии, пытках. Ведь он не их национальности.

– Я тоже склоняюсь к этой мысли, Олег Карлович. Вероятно, дело в том, что если Полетаев останется жив, то в процессе разбирательства могут вскрыться кое-какие нежелательные для администрации колонии факты. Поэтому и вызвали снайперов. А мертвый он безопасен.

– Мертвые не потеют, – усмехнулся полковник.

– Ну что ж, теперь я вижу, что вы хороший переговорщик, меня вы тоже убедили. Давайте, попробуем.

Полковник Грачев взял руководство операцией на себя. Киргизские правоохранительные органы подчинились, памятуя о «секретном распоряжении Директора ФСБ Крючкова». Алексеев отправился к тюремной библиотеке, где забаррикадировался Полетаев с женщиной.

Была опасность, что снайперы, по распоряжению Асанткулова, все-таки начнут стрелять. Для киргизского генерала-чекиста это было бы идеальным выходом из критического положения. Изрешетить пулями Полетаева, библиотекарьшу, а заодно и полковника Алексеева по ошибке. Но что тогда делать с оставшимся Грачевым? Впрочем, что-нибудь и насчет него придумал бы.

Поэтому Грачев, в первую очередь, велел снайперам сложить на землю в одно место все винтовки и даже не прикасаться к ним, а Асанткулова, когда тот стал возражать, вообще отправил куда подальше из зоны оцепления. В эротическое путешествие на три буквы.

Переговоры Алексеева с Полетаевым длились полчаса. Поняв, что перед ним московский чекист, а не местный, он не стал выдвигать никаких требований, а просто начал жаловаться на жестокое обращение в колонии с русскими заключенными. Перечислял фамилии охранников, работников администрации, вольнонаемных. Все – киргизы, ни одного русского. Если и были, давно уволили.

Особенно, по его словам, зверствовал один прапорщик, Утанбаев. Полетаева преследовал и избивал почти каждый день, без всякого повода. Вот он сегодня не выдержал и отправил его в нокаут. Бывший боксер все-таки. А сидит здесь, потому что отказался выступать за сборную Киргизии на международных соревнованиях. Дело его сфабриковано. Подставили, подкинули наркоту. А они сами на ней все и сидят, тот же Утанбаев.

Потом Полетаев неожиданно попросил обменять заложницу-библиотекарьшу на сотрудницу колонии, врача Анастасию Нестерову.

– Зачем менять одну женщину на другую? – поинтересовался Алексеев.

– Надо. А потом я добровольно сдамся.

Возвращаясь с его предложением обратно, Алексеев решил, что не иначе, как тут замешана любовь. Еще один «тюремный роман», как было в известном советском фильме. Грачев, выслушав Алексеева, позвал начальника исправительного учреждения. Тот подтвердил, что у них действительно работает такая вольнонаемная женщина. Врач. Замужем за прапорщиком колонии Утанбаевым. Характеризуется положительно.

– Вот и причина, – сказал Грачев Алексееву. И обратился к начальнику колонии, застывшему в почтительной позе перед новым «главным баем», приехавшим из самой Москвы: – Надо уважить желание Полетаева.

Сразу же все бросились искать эту Настю. Она в слезах сидела в своем врачебном кабинете.

Женщину не пришлось долго уговаривать занять место заложницы, она согласилась на это радостно и быстро.

И даже не уведомила об этом своего мужа-прапора. Утанбаев ходил неподалеку кругами, как разъяренный барс с Иссык-Куля. Алексеев вместе с Нестеровой вновь отправился в библиотеку. Через минуту из ее дверей вышла заложница-библиотекарьша. Все с облегчением выдохнули.

Ну, а Полетаев, как и обещал, сдался через час. Грачев предупредил начальника колонии, чтобы к нему не были применены никакие избыточные репрессивные меры. Особое внушение в этом же смысле потребовалось и для генерала Асанткулова.

– Я буду контролировать судьбу Полетаева и Нестеровой даже из Москвы, – предупредил их обоих Грачев. – И если с ними что-то случится, это будет не в ваших интересах. Погоны слетят тут же, «на щелчок».

– А я что? Я ничего, пусть живут, обещаю, – ответил киргизский генерал.

– И мы будем добиваться, чтобы Полетаев был отправлен отбывать свой срок и дополнительное наказание в другую колонию, уже на территории России, – добавил Алексеев.

Какова же дальнейшая судьба Полетаева? Грачев и Алексеев следили за ней, их интересовали его дальнейшие злоключения. Тут действительно была замешана роковая любовь и

ревность. Отбывал он свой срок уже в российской колонии в Мордовии. Настя Нестерова переехала туда же. Она к этому времени развелась со своим киргизским барсом-Отелло, от которого немало пострадала в своей предыдущей «киргизской жизни». Через два года Полетаев вышел по УДО на свободу и попал прямо в объятия своей любимой, которая поджидала его у ворот тюрьмы.

«Поющие в терновнике» русские Эсмеральда и Квазимодо наконец-то счастливо соединились... Эта история еще ждет своего писателя-романиста наподобие Боборыкина или Загоскина.

Кабинет Грачева. 9 февраля. 19:30

Задачей следователя было «прощупать», «просветить» Житникова со всех сторон как рентгеном. Что он сейчас собой представляет? Изверившегося, запутавшегося человека, подошедшего к последней черте, или сохранившего трезвый ум, волю, энергию действия? Почему явился на Лубянку добровольно, с повинной? И можно ли на него рассчитывать в дальнейшем? В игре с МИ-6? Ответа на эти вопросы он пока не знал.

– В начале девяностых годов, когда все катилось в пропасть, Горбачев упорно, с тем же самолюбованием и самоупоеанием продолжал держаться за власть, – после чаепития и в развитие откровенного и полезного разговора с Житниковым произнес Грачев. – И редко серьезно обращал внимание на нашу информацию из КГБ о негативных процессах в стране. А процессы эти были просто катастрофические. Но у него была заготовлена всегда одна и та же фраза на все наши докладные записки: «КГБ драматизирует обстановку».

В то же время у нас уже имелась масса свидетельств и доказательств, что процессы сепаратизма в союзных республиках поддерживались западными спецслужбами. Советниками, инструкциями, долларами. Пропагандой здесь и там. Шла тонкая игра на национальных чувствах, разжигание низменных инстинктов, фальсификация прошлого. Местная элита охотно шла этому навстречу в предвкушении дележки большого вкусного «пирога». Государственной собственности. Вы и ваши друзья разве не прикладывали к этому руку?

– Я – нет. За других не отвечаю. Мой бизнес начинался с закупки и продажи компьютеров.

– Ну, допустим. Но уж ваши демократические младшие научные сотрудники и комсомольские инструктора – точно. Например, Ходорковский, с которым вы вместе работали в Бауманском райкоме комсомола. Как-

то уж очень быстро они присосались к нефтяным и газовым скважинам. Вернее, дали присосаться.

– Ну, это вопрос спорный. Просто они оказались умелыми кризисными и креативными менеджерами в трудное для страны время.

– Себе-то, Анатолий Львович, не лгите. Их назначили олигархами. Надо было как можно скорее создать класс собственников, преданный власти. Нынешнее сословие богачей появилось «из ниоткуда». Все их капиталы не были заработаны и не достались им по наследству. Они были «назначены» «назначенцами». А по сути, отобраны у народа и присвоены несправедливым путем, и в этом ни для кого нет никакого секрета.

Житников не стал возражать. Видно, сам чувствовал правоту Грачева, поскольку хорошо знал всю эту дьявольскую кухню.

– А к завершению перестройки, – продолжил контрразведчик, – идеологическая обработка продажными СМИ и зарубежными спецслужбами советских граждан достигла своего апогея. И большинство людей искренно поверили в добрые и заботливые отношения к нашей стране со стороны западных стран, особенно США. Ведь повседневно, из каждого утюга утверждалось, что у СССР больше нет врагов, вокруг одни лишь друзья. А западные демократы готовы помочь нам построить счастливую богатую жизнь. По своему образцу и подобию. И одновременно подвергались критике все стороны советской действительности. Помните эту оголтелую пропаганду?

– Помню, – хмуро согласился Житников. – «Сто сортов сыра и колбасы, а главное – туалетная бумага! Вот бы и у нас так».

– Да, туалетная бумага для демократов – это как свет в окошке... В это же время параллельно на самом высоком чиновничьем уровне был запущен механизм перекачки денег из госу-

дарственного кармана в частный. Издавались негласные распоряжения для вывода золотых запасов за границу. Уж мы-то об этом хорошо знаем...

По секретному указу Госбанка СССР была налажена торговля валютными запасами страны. Несмотря на заоблачную инфляцию, иностранная валюта продавалась «своим» структурам по фиксированному курсу. Доллар, к примеру, стоил 62 копейки, как вы помните. Когда Союз распался, на остатках Госбанка вдруг, как грибы, выросли частные банки: «Столичный», «Менатеп», «Империал», «Инкомбанк» и многие другие. Все они потом благополучно лопнули, но сделали свое дело: кого надо сказочно обогатили.

– Забыли еще сказать про финансовые пирамиды, – усмехнулся Житников. – Издержки демократии...

– Издержки? Хороши издержки. Миллионы людей разорились. И так-то ничего не было, но еще последнее из закровов выгребли. Сколько потом последовало самоубийств? Никто не считал.

– Не надо было ловиться на пустышку. Это менталитет русского народа – желание жить на печи и ничего не делать, как в сказке про Емелю-дурака.

– Ну, это вы своим друзьям-банкирам расскажите. Которые захватили не только финансовые средства, но бесплатно огромную собственность – здания, имущество, дома отдыха. А также самое главное – вклады клиентов, советских граждан, от обязательств перед которыми новоявленные толстосумы тотчас же отказались. «Это не мы, это Госбанк». Афера, достойная акул с Уоллстрит. Та же история и с профсоюзами. У них собственность была по всему Союзу, и какая! Санатории, детские лагеря. И где это все сейчас, у кого?

«Рука рынка» залезла в карман государства и приватизировала крупные и средние заводы, предприятия, недра, средства массовой информации, все, до чего могла дотянуться. Ввела и узаконила частную собственность, вырастила в колбах и пробирках «своих» олигархов, из числа, в основном, комсомольской и партийной номенклатуры, прибрала к себе и силовые структуры, создала целую армию охранников, вооруженные ЧОПы, чтобы спокойно спать, не опасаясь народных возмущений и голодных бунтов. Так произошло изменение общественного строя. А вернее, контрреволюция, спустя 74 года после Октября семнадцатого.

Житников вяло возразил:

– Да ведь всякая смена общественной формации, как ни крути, всегда связана с потрясениями и переделом собственности. Мировая история этому хорошо учит. Разве у нас могло быть как-то иначе?

Грачев ответил не сразу.

– Может, и могло. А может, вообще не надо было ничего ломать? Идти эволюционным путем. Взгляните на Китай. На его стремительный экономический рост при сохранении политической системы.

– Да, но там была площадь Тяньаньмэнь и две тысячи студентов, задавленных танками. Большая кровь.

– Крови и здесь хватало. И еще неизвестно, когда она прекратится. Гражданская война в Чечне все еще продолжается. Вся перестройка и контрреволюция привели, в итоге, к раздробиванию государственного имущества и природных недр. И все, весь смысл в этом. То есть почти все, кто обладал хоть какой-то властью, использовал ее для личного обогащения. Или своих близких. При таком раскладе, как говорят преферансисты, и прикуп не нужен. Или, как высказался когда-то испанский диктатор Франко: «Своим – все, остальным – закон».

Гавриил Попов, ставший первым мэром Москвы, в журнале «Огонек» ясно и четко определил задачи перестройки в экономической и политической сфере: «Главное... это дележ государственной собственности между новыми владельцами. В проблеме этого дележа – суть перестройки, ее корень... Суть перестройки в политике – полная ликвидация Советов... Другими словами – десоветизация». Вы читали так называемую конституцию Сахарова?

– Вообще-то я политикой мало интересовался, что тогда, что сейчас.

– А напрасно. В ней четко прописано: «Формируются на месте СССР три, четыре, а то и пять десятков независимых государств... А потом уж эти республики решают: нужен ли новый Союз республик». Сахаров, всю жизнь корпевший «под колпаком» над водородной бомбой, был выброшен в воображаемый им мир и оказался под таким же «колпаком» иностранной прессы и окружавших диссидентов во главе с Боннэр, которая была больше его собакой-поводырем, чем супругой.

Но что он мог знать о купле-продаже даже картошки, из какого своего жизненного опыта? Однако он был взят как знамя радикальной антисоветской интеллигенции. А из всей совокупности его деклараций и заявлений видно, что желанное для него Мировое правительство – это правительство коллективного Запада, а еще лучше, просто США. «Я верю в западного человека, в его ум, устремленный к великим целям, его благие намерения и его решительность». Наивный Мафусаил. А ведь когда-то в 50-е годы он предлагал Хрущеву уничтожить США одним только взрывом водородной бомбы у его побережья. И невиданная волна смывает Америку на дно океана.

Житников молчал, слушал. Иногда качал или кивал головой. Грачев продолжил, словно сам давно хотел выговориться, да не с кем было:

– Символом и центром другого течения «образованцев» стал Солженицын, сам и придумавший это уничижительное слово. Насколько он одарен, как прозаик, не знаю, пусть решают литературоведы. Но, прежде всего, это чрезвычайно активный идеолог, сыгравший в поражении СССР немалую роль. Его «Архипелаг ГУЛАГ» – шедевр фальсификации, созданный буквально в психиатрической лаборатории. Зато он сильно бил по чувствам и психике людей.

Солженицын, хотя, конечно, не он один, выработал определенную логику, универсум символов и даже технологию политической войны. Пером, фразой. И этот мстительный человек, сам с тоталитарным мышлением, получил у интеллигенции статус пророка, духовного пастыря и совести нации. Правда, этого «пастыря», когда он начал критиковать политику Ельцина и отказался получить из его рук орден Андрея Первозванного, как-то очень уж быстро отправили в кладовку и отключили от телевидения.

– Я помню, что в обиход тогда даже вошло такое иррациональное выражение, как «реформа посредством слома», – вставил Житников. – Мне оно казалось абсолютно алогичным. Как можно все ломать и называть это реформами? А Горбачев, наверное, виделся себе таким Давидом, сокрушающим Голиафа – Советское государство.

– Да, – кивнул Грачев. – Через три года, выполнив свою «миссию», он признался в Мюнхене: «Мои действия отражали рассчитанный план, нацеленный на обязательное достижение победы. Несмотря ни на что, историческую задачу мы решили: тоталитарный монстр рухнул».

– Ну и хватит об этом. Продолжайте свою объяснительную записку. Потом решим, что делать и куда двигаться дальше.

Житников принялся за свои «мемуары», а Грачев взял в руки журнал, но только делал вид, что читает, чтобы не мешать подследственному. А сам опять невольно стал вспоминать то время. Обратился в прошлое. Хронологически упорядочить мысли было нелегко. Фактов много, все они цеплялись друг за друга, а цепь событий порой разрывалась. Некоторые ее звенья оставались неясными до сих пор. Слишком много тайн хранила операция «Перестройка». Даже для органов государственной безопасности.

Близкое прошлое. 1991 год. 19 августа

В июне 1991 года Грачеву только что было присвоено очередное звание генерал-майора. Он возглавил контрабандный отдел во Втором Главном управлении КГБ. А сам Комитет, после неудавшегося путча, уже начали переименовывать, переделывать и переиначивать. Как же все начиналось? «Скверно», – сказал сам себе Грачев, листая журнал и искоса поглядывая на Житникова, который строчил пером, как швейный мастер. Что-то зачеркивал, брал новый лист бумаги из лежавшей перед ним на столе толстой пачки, и начинал заново. Была бы тут, в кабинете, печь, бросал бы в нее свои «мертвые души», как Гоголь.

...Утром 19 августа 1991 года Грачев, садясь завтракать, привычно включил телевизор, а там, после фрагментов из «Лебединого озера», объявили о создании Государственного Комитета по Чрезвычайному Положению. ГКЧП. Показывали вице-президента Янаева, премьер-министра Павлова, министра внутренних дел Пуго, министра обороны Язова, Председателя КГБ Крючкова, члена Президентского Совета по оборонной промышленности Бакланова, Председателя Крестьянской ассоциации Старовойтова и еще кого-то. По сути, всю верхушку государственной власти СССР, кроме самого Горбачева, который находился в отпуске, в Фаросе. Всю его «команду». Сам он уже был «отстранен от власти».

Какой уж тут завтрак! Не до бутербродов с чаем, когда в стране происходят такие события, а в столицу входит бронетехника. Грачев спешно отправился на Лубянку. Прибыв в отдел, он сразу же окунулся в водоворот дискуссий и обсуждений происходящих событий. Никто ничего толком не знал. Это они-то, чекисты, которые должны были бы знать все. Но, как позже выяснилось, Крючков все держал в строжайшей тайне, даже от своих заместителей.

Что уж говорить о подавляющем населении страны, которое уж точно абсолютно ничего не понимало, даже аббревиатуру ГКЧП. Но практически все, чуть ли ни сверху донизу, были солидарны в одном: одобряли отставку от власти Горбачева, еще не представляя дальнейшего развития событий. Уж слишком надоел тот своей пустопорожней болтовней и бездействием. Своим «начать и углубить», да еще с неправильным ударением в этих двух словах.

Безусловно, простой народ, рабочие, сельские труженики, вмняемая интеллигенция, партийные работники, военные и чекисты, видели необходимость перемен в стране. И в политическом устройстве государства, и в экономических преобразованиях. Но только не развал Союза. Что подтвердил и референдум, прошедший в марте. А дальнейшие события развивались стремительно. Как снежный ком с горы.

Информационное дополнение

Что вообще происходило в лагере демократов? Утром 19 августа в восемь часов утра на дачу к Ельцину приехала большая делегация его сторонников, в основном из Межрегиональной депутатской группы. Все они были сплочены одним желанием: уничтожить ненавистный им Советский Союз, а если получится, то и Россию.

Хотя, конечно, сами были очень сильно напуганы. Они ведь отчетливо понимали, какая участь их может ждать, поскольку все являлись, по сути, государственными преступниками и изменниками. Уж Сталин бы, по крайней мере, с ними не церемонился. Тем более что в стране была практически военная, ну, или предвоенная обстановка. А враг был не только у порога, но уже внутри дома, включая их самих. Это были Бурбулис, Старовойтова, Попов, Станкевич, Козырев, Афанасьев и уже с ними.

Они подняли своего кумира на нетвердые ноги и повезли в Москву. Для использования «тела» в агитационных мероприятиях. Потом водрузили его на танк возле Белого дома, где он

начал толкать речи и разбрасывать заготовленные листовки. Может быть, этот факт и не являлся решающим для захвата власти демократами-проза-падниками, но вялая, беззубая линия поведения ГКЧП с «мертвыми танками» на улицах сыграла свою роль.

Народ начал выходить из своих домов, особенно неустойчивая молодежь, интеллигенция с кукишами в карманах, потомки троцкистов, антисоветчики, просто уголовники, патентованные алкоголики и психически нездоровые люди. Всех их можно отнести к разряду недалеких в умственном развитии или попросту природных романтиков, латентных бузотеров. Были среди них, конечно, и искренно верящие в счастливые перемены к лучшему.

Может быть, именно таким был и Житников?

Грачев с интересом, оценивающе взглянул на него, продолжавшего писать свойopus. «Синдром Кандинского», или «синдром толпы», – подумал контрразведчик. – Это психиатрический термин. Наркоз перед операцией, как сказал сам Анатолий Львович».

Был такой в начале века врач-психиатр Кандинский, он и обосновал в своих научных работах это явление. Двоюродный брат знаменитого художника Кандинского. Для того чтобы «завести» толпу, достаточно лишь несколько психически больных людей, а политическая шизофрения передается по воздуху, как грипп во время слюноотделения.

Грачев опять усмехнулся, продолжая вспоминать.

Информационное дополнение

Как правило, толпу заводят и умело управляют ею опытные кукловоды. В данном случае это были доморощенные либералы и демократы. Они, можно сказать, поджигали ее политическими спичками и однозначными короткими лозунгами-слоганами. Ельцин и его камарилья вбрасывали в толпу фразы, бывшие наповал по Советскому Союзу и КПСС.

Но ведь все они сами были бывшими партийными чиновниками, причем не последнего уровня. Гайдар занимал место зама главного редактора журнала «Коммунист», Бурбулис – завкафедрой научного коммунизма в Свердловске, Ельцин вообще был кандидатом в члены Политбюро. Но теперь он расхваливал жизнь за рубежом, а в США с трибуны провозглашал, кладя руку на то место, где должно было бы быть сердце: «Боже, храни Америку!».

И его представления об экономических реформах походили на детскую веру в волшебную палочку. Дескать, по щучьему велению все устроится. Главное – «Рука рынка». И демократы поддерживали его в этой абсурдной сказке.

С трибун он кричал, что если удастся свергнуть ненавистный коммунистический режим, демократы разом наладят новую, безбедную, счастливую жизнь для миллионов россиян. Жизнь с молочными реками и кисельными берегами. Подкреплял свои слова примерами из зарубежных поездок. В Нью-Йорке он трижды облетел вокруг статуи Свободы, и тотчас же, по его словам, «эта свобода проникла в его душу и сердце, а с плеч упали оковы коммунизма».

Толпа заворуженно слушала его речи, раскрыв уши, на которые вешались изделия с макаронной фабрики. Глаза и рты тоже были широко открыты, дыхание останавливалось. В Лужниках собиралось до трехсот тысяч человек. Впору вести за собой куда угодно, хоть на скотобойню, хоть к краю пропасти. Разве могли они знать, что произойдет всего через год? Что жизнь в условиях рынка, это не только изобилие товаров в магазинах, не только картинка красивой жизни в гламурных и глянцевых журналах, но и высокие цены на все, инфляция, безработица и прочее.

Для них были предопределены нищета и суровое выживание, а красивая жизнь и роскошь – только для победителей. Назначенных олигархов, нуворишей и «новых русских». Быстро нарождался новый класс буржуазии, похлеще, чем коррумпированные чиновники и партоткраты в советское время. Да, это была именно антисоветская революция, и делали ее

потомки троцкистов и идейные поклонники «февралистов», когда те ликвидировали монархию.

Демократы были поддержаны спецслужбами зарубежных стран, которые свои посольства и консульства в столице и в крупных городах России превратили в штабы по координации действий государственных изменников. Все это было чекистам известно. Но сделать ничего не могли. Политические решения принимает власть.

Руководство РСФСР стало на защиту Конституции и Президента СССР. ЦК КПСС показал свою абсолютную недееспособность, заявив, что «не скажет о своем отношении к ГКЧП, пока не узнает, что с его Генеральным секретарем». Цеплялись за Горбачева из последних сил. Это только «подлило масла в огонь». Руководители союзных республик сначала воздержались от комментариев, сделав вид, что «путч» – внутреннее дело России. Но через несколько часов, поразмыслив, присягнули, на всякий случай, ГКЧП. И первыми в этой верно подданной очереди выстроились прибалты и украинцы.

А вот в Москве были очень сильны антисоветские настроения. Жители поначалу вели себя спокойно, потом стали собираться вокруг Белого дома. На следующий день, если не в тот же, введенные в столицу распропагандированные воинские части и бронетехника постепенно «перетекли» на сторону ельцинистов. А что же ГКЧП?

Никаких конкретных шагов он не предпринимал, по телевидению продолжали крутить «Лебединое озеро», определенной точки зрения по насущным вопросам высказано не было. Так заговор не делают. Ночью 20 августа произошел трагический инцидент в туннеле на Садовом кольце. По нему следовал патруль БМП. Попал на устроенную там баррикаду. Бронемашина была подожжена, возникла сумятица, в которой погибли трое юношей. Как известно, в любой «революционной заварухе» нужна кровь, сакральные жертвы, чтобы активировать толпу, придать инерционный толчок к действию. Скорее всего, и здесь произошла хорошо спланированная провокационная акция.

По иронии судьбы, именно тому подразделению, что было повинно в случайной смерти трех юных романтических демократов, да еще подвыпивших, было приказано передвинуться от здания МВД на охрану Белого дома, то есть Ельцина и его нукеров. И одни и те же солдаты и офицеры были одновременно объявлены и «фашистскими убийцами», и «героями, перешедшими на сторону народа». Кстати, через четыре месяца следствие по делу о гибели в туннеле трех юношей было прекращено в связи с тем, что сам экипаж БМП-536 подвергся нападению, и даже если бы солдаты стреляли на поражение, это было бы правомерно.

21 августа ситуация определилась. С Горбачевым связались по телефону в Фаросе, к нему вылетели вице-президент России Руикой и премьер-министр Силаев. Они и привезли «пленника» в Москву. А членов ГКЧП арестовали. Многие аналитики после отмечали странное, неожиданное и ничем не мотивированное «прекращение путча». Никакой угрозы крикливые демократы для путчистов не представляли, скорее наоборот.

Никто ни на кого наступление не вел. Самого Ельцина и его ближний круг можно было арестовать на раз. Группа «Альфа» только ждала приказа от Крючкова. Сами путчисты никаких переговоров ни с кем тоже не вели, и эволюции в их взглядах не наблюдалось. Если только не считать внезапно вспыхнувшую любовь к музыке Чайковского. Они просто тихо и покорно сдались «на милость победителей». Так все, скорее всего, и было задумано. Чтобы ускорить процесс развала Союза, а для начала переподчинить все властные структуры СССР президенту РСФСР Ельцину.

Сам Горбачев, возвращенный в столицу, спускаясь по трапу, обмолвился перед журналистами загадочной фразой:

– Всей правды вы не узнаете никогда.

Оговорка «по Фрейду». Его версия для СМИ была такова, что он был арестован в Фаросе и лишен правительственной связи. Однако при последующем расследовании эта версия под-

тверждения не получила. Вся вилла и автомашины Горбачева были оснащены современной спутниковой связью, к которой он имел свободный доступ. Выходит, он сам и был куратором путча. Или манекеном, которого надо было сначала передвинуть с одного места на другое, а потом перетянуть обратно.

Но, согласно другой, уже официальной версии, сформулированной командой Ельцина, а затем даже угодливо утвержденной Верховным Советом СССР, был совершен государственный переворот. Премьер-министр Силаев в большевистском раже даже призывал немедленно расстрелять заговорщиков. Слава Богу, что хоть до этого не додумались. Ограничились тюремным заключением, а потом через четыре месяца амнистировали и тихо распустили по домам. «Мавр сделал свое дело, мавр может уходить».

В целом весь политический процесс 1991 года «над маврами» находился в полном противоречии с правом. И лишь один из обвиняемых по «делу ГКЧП», командующий сухопутными войсками генерал армии Варенников, отказался от амнистии и на суде был признан невиновным «ввиду отсутствия состава преступления».

События в те дни развивались молниеносно. Все видели по телевизору в прямом эфире, как на сессии Верховного Совета РСФСР Ельцин демонстративно передал Горбачеву экземпляр какой-то бумаги и дал команду:

– Читайте, Михаил Сергеевич, читайте!

Да еще ткнул ему в глаза указательным пальцем. Президент СССР начал что-то мямлить. Ельцин оборвал его и под овации зала сказал:

– Я только что подписал указ о запрете КПСС!

Что за бумага, что за «филькина грамота»? Но спектакль двух актеров дал повод к тотчас же последовавшему «разгону» и «сметанию». Кабмин и три главных силовых министерства СССР 25 августа были преобразованы в какой-то незаконный Комитет по оперативному управлению народным хозяйством СССР во главе с Силаевым, Вольским, Лужковым и Явлинским. А в самих силовых ведомствах, как наиболее «скомпрометировавшие» себя, были сняты все старые начальники.

На место руководителей Минобороны, МВД и КГБ вместо Язова, Пуго и Крючкова пришли их заместители, но и они были убраны через сутки. На эти должности посадили уже «подлинных демократов». Это были всегда улыбающийся, наверное, даже во сне, маршал Шапошиников, связанный с сомнительными кругами Баранников и прораб по профессии Бакатин, который позже сдаст американской разведке многие секреты КГБ.

А Борис Карлович Пуго вообще будет ритуально убит, чему при этом сообщении, смеясь (!), заплещут депутаты Верховного Совета РСФСР. Можно ли их понять? Можно, поскольку погиб человек, который сам не воровал и другим не давал. А ведь таких министров внутренних дел «новая Россия» больше не будет иметь никогда. Маршал Ахромеев якобы повесится, а еще несколько человек (Кручина, Павлов и т. д.), «знавших слишком много», ведавших финансами КПСС, «случайно» выпадут из окна.

Но главное, начнется погром КГБ. Грачев переживал это так, словно ему ампутировали руку или ногу, превратили в инвалида. Стартовал разгром со сноса памятника Дзержинскому на Лубянке, когда агрессивно-пьяной толпой верховодил «на экскаваторе» депутат Станкевич.

Снос памятника. Перед штурмом КГБ

Житников продолжал писать свою «Объяснительную записку», Грачев вспоминать. Он встал, подошел к окну, посмотрел на то место, где когда-то стоял памятник Феликсу Эдмундовичу Дзержинскому.

Тогда, в августе 1991 года, в течение недели оголтелые демократы и хулиганствующие молодчики бесновались и кликушествовали вокруг памятника. Монумент даже в скульптурном и архитектурном плане идеально завершал композицию площади. К концу недели, когда с захватом власти было все понятно, демократы использовали толпу для того, чтобы наконец-то удовлетворить свое желание и дать сигнал зарубежным хозяевам: «Мы – ваши, берите и владейте».

Пригласив с полусотни иностранных журналистов, телевидение, свою прикормленную прессу, дали старт сносу. И десяток проходимцев и пьянчуг, кто с ломом, кто с кувалдой, набросились на памятник. Постамент кое-как поломали. Сам монумент оказался им не по силам. Тогда набросили на шею веревку и стали тянуть. Не помогло. Пригнали кран.

Но Дзержинского голыми руками не возьмешь, недаром он прошел подполье, жандармские застенки, революцию и гражданскую войну. Все силы отдавал борьбе с контрреволюцией и бандитизмом, восстанавливал железнодорожную сеть России и спасал беспризорников. Да и сам памятник был смонтирован на славу, крепко, с соблюдением всех технологических правил. Казалось, на века. Но все-таки современная техника с третьей попытки его одолела. Монумент удалось повалить, потом его демонтировали и увезли.

Чем не угодил этот замечательный государственный деятель, создатель ЧеКа, его символ, сподвижник Ленина демократам, отдавший целиком всю свою жизнь борьбе за те идеалы, которые, как он понимал, были направлены на благо российского народа? Дурной пример, как говорится, заразителен. Вот и подхватили потом другие мракобесы этот разрушительный для монументов вирус, и пошел он «гулять» по странам Балтии, Польше, Чехии, Украине, даже Болгарии и т. д.

А чем кончается поэма А.С. Пушкина «Медный всадник»? Демократы, видимо, подзабыли, когда крушили монумент Дзержинскому. Грачев очень хотел напомнить им: памятник Петру Первому гоняется по всему Петербургу за обидевшим его злополучным Евгением. Да и в «Маленьких трагедиях» Дон Жуан проваливается вместе с оскорбленным и обесчещенным им Каменным Командором прямоком в ад. Не давала Пушкину покоя «тема памятников», а он ведь был не только великим поэтом, но и провидцем. И словно заглянул из девятнадцатого века в наш.

После сноса памятника Дзержинскому штурмовикам очень хотелось захватить и архивы КГБ. Почему им это не удалось? Отчего они все-таки не решились на штурм при таком огромном и подавляющем численном превосходстве? Ведь демократы никогда не считаются с человеческими жертвами. Ответов, думал Грачев, будет два.

С одной стороны, подобные попытки в некоторых субъектах Советского Союза уже предпринимались и были успешно пресечены самими местными органами КГБ. И организаторы погромов хорошо знали об этом, получив «по зубам». А с другой стороны, многие лидеры «демократического движения», как правило, являлись настоящими действующими или бывшими агентами тех же местных или федеральных органов КГБ.

И все эти большие и маленькие информаторы очень боялись, что при захвате таким образом архивных документов может произойти неконтролируемая ими утечка, всплывет их прошлое да еще просочится в СМИ, что было для них самым страшным. Тогда конец политической карьеры, прощай, сытная жизнь и теплое креслице. Еще и сами «под раздачу» могут попасть. Это вообще природное свойство всех патентованных предателей, провокаторов и

изменников Родины: стучать на всех вокруг и быть двойными-тройными агентами, в том числе и западных спецслужб. Человеческий мусор, одним словом. Но приходилось работать и с таким материалом.

Гипотеза

Есть версия, озвученная бывшим вице-премьером в правительстве Ельцина – Гайдара Полтораниным, в документальном фильме, так и не вышедшем на экраны телевидения. К концу 80-х годов генерал КГБ Бобков, долгое время возглавлявший ненавистное для демократической интеллигенции Пятое (идеологическое) управление, предвидя крах СССР, решил заранее подготовить грядущую смену из молодых перспективных реформаторов.

Таким образом, в сети органов госбезопасности в качестве информаторов-источников были привлечены Гайдар, Чубайс, Авен, Фридман, Березовский, Гусинский, Нечаев, Явлинский и многие другие. Большинство из них к этому времени прошло стажировку за рубежом. До сих пор остается загадкой, как многие из них в одночасье оказались вдруг богатейшими людьми не только страны, но и всей Земли, владельцами банков, газет, «заводов и пароходов»?

В подтверждение этой версии свидетельствует то, что в отношении самого Бобкова в демократической, том числе желтой прессе, не было ни одной негативной публикации. А уж руководителя ненавистного демократам идеологического Управления, плотно работавшего с диссидентами и антисоветчиками, они должны были бы ненавидеть «по определению», кусать и топить больше всего. Да и после выхода на пенсию Филипп Денисович Бобков пошел на службу ни куда-нибудь, а в финансовую империю Гусинского «Мост».

Из бывших сотрудников КГБ, профессионалов высшего уровня, Бобков создал на базе «Моста» и продолжительное время руководил мощнейшим аналитическим подразделением, насчитывающим, по некоторым оценкам и данным, от 500 до 1000 человек. Аналитические исследования проводились не только в интересах коммерческой группы «Мост», но и по всем аспектам политической и экономической ситуациям в стране в интересах демократов.

Так что же с несостоявшимся штурмом зданий КГБ на Лубянке? Деятельность отдела, которым руководил Грачев, да и всех органов государственной безопасности в целом замерла. Никаких команд от начальства не поступало, работники вроде бы занимались своими текущими делами, но больше всего отслеживали происходящее в стране, обсуждали и просчитывали возможные варианты развития событий. А события нарастали, как снежный ком.

Особенно беспокоила ситуация, разворачивающаяся на площади Дзержинского. С каждым днем на площади скапливалось все больше и больше народу. Шли бесконечные митинги. Среди выступающих периодически звучали призывы двинуть толпу на разгром органов КГБ. По-видимому, это было обусловлено недавним примером своих «братьев» в ГДР, где митингующие захватили здание «Штази» и обнародовали секретные документы по источникам информации, то есть агентам и сексотам. Но большую часть списков успели сжечь, устроив пожар. Потому что сами находились в тех списках.

Было довольно тревожно. Особенно отделу Грачева. Если основные здания КГБ были оборудованы специальными защитными средствами на случай возможного нападения, то строение на Кузнецком мосту, где располагался контрабандный отдел Грачева, такой защиты не имело. Кроме того, на громадных окнах почти от пола до потолка не было решеток. Вот отчего и возникало это «неуютное ощущение», когда по соседству от тебя, всего в несколько десятков метров, беснуется многотысячная, накачанная алкоголем и лозунгами толпа.

Могло случиться все что угодно, достаточно только было бросить спичку в эту канистру с бензином. Но беспокоились «грачевцы» не только в плане собственной безопасности, А за оперативные секретные материалы, как в отношении источников информации, так и объектов

изучения, которые были в стане демократов. А что можно было противопоставить толпе, если начнется натиск и погром? Из личного оружия только пистолеты. Да и то не у всех.

К этому времени исполняющим обязанности Председателя КГБ был назначен начальник разведки Шебаршин. Крючков уже арестован. И когда Грачев обратился к своему руководству с просьбой организованно переместить оперативные материалы в хранилище КГБ, то через несколько часов получил ответ: «Всем быть на местах, никаких мер не предпринимать, документы тоже должны оставаться на месте».

Такой ответ обескуражил Грачева. Видя разочарование своих подчиненных, он решил с ними посоветоваться, как выйти из создавшейся критической ситуации. После непродолжительного обсуждения было принято решение поместить документацию в холщовые мешки, а чтобы не утерять ее в суматохе и для надежности наложить на завязки пломбы и вывести конспиративно на загородную дачу одного из сотрудников.

В подразделении были два достаточно молодых, энергичных, спортивных человека – Решетников и Пятин. Им Грачев и поручил осуществить операцию под кодовым названием «Документы». Это мероприятие прошло успешно, ребята вышли через запасную дверь, где толпа была еще малочисленна, но постепенно она уже окружала здание. Инцидентов не было, наверное, их приняли за почтовых служащих или инкассаторов, ведь мешки за плечами напоминали принадлежащие именно к этим ведомствам. А после нормализации обстановки в стране все секретные документы в целости и сохранности были возвращены в отдел.

Тут Грачев вдруг вспомнил слова Сталина, принимавшего самое активное участие в реорганизации спецслужб в 1952 году. Тогда он высказал ряд интересных замечаний о стратегии и тактике «тайной войны». Сергей Витальевич мог процитировать их почти наизусть, как чекистскую заповедь:

«В разведке никогда нельзя строить работу таким образом, чтобы направлять атаку в лоб. Разведка должна действовать обходом... Не надо вербовать иностранца против его отечества. Если агент будет завербован с ущемлением патриотических чувств – это будет ненадежный агент... Все время менять тактику, методы. Все время приспосабливаться к мировой обстановке... Главный наш враг – Америка. Но основной упор надо делать не собственно на Америку... В разведке надо иметь агентов с большим культурным кругозором – профессоров. Разведка – святое, идеальное для нас дело. Коммунистов, косо смотрящих на разведку, боящихся запачкаться, надо бросать головой в колодезь. Агентов надо иметь не замухрышек, а друзей – это высший класс разведки».

И Грачев снова с интересом, оценивающе посмотрел на Житникова. Тот приканчивал очередной лист бумаги. Ну точно Гоголь, и нос такой же длинный. Вдруг «писатель» вновь отложил ручку и откинулся на спинку стула. Закрыв глаза. Или ему стало плохо, или решил просто передохнуть.

– Вам нездоровится? – спросил Грачев.

– Нет. Устал. Не дают покоя ваши слова, Сергей Витальевич. Ваше пламенное выступление с трибуны партийного съезда из двух человек. Хотя во многом я с вами согласен. Но что же тогда КГБ не остановило всю эту вакханалию, пляску на костях и шабаш ведьм?

Вот на этот вопрос Грачев действительно не знал, что сказать. Сам много раз спрашивал себя и не находил ответа. Отделался дежурной, принятой в их среде фразой:

– Мы всегда исполняли и исполняем только закон. Политические решения принимают другие. Так заложено в само основание службы госбезопасности. В противном случае все управление страной зависело бы только от «Лубянки». Мало вам Ягоды, Берии и тридцать седьмого года?

– Давайте начистоту, – предложил Житников. – Без этих аллюзий. Мы не маленькие дети, нечего меня пугать «ежовыми рукавицами».

– Хорошо, тогда слушайте.

Кабинет Грачева. 9 февраля. 21:10

Почему стали сразу разваливать именно КГБ? Дураку ясно: необходимо было наиважнейшую из функций государства – безопасность – превратить в ноль. Сколько же потом последовало реорганизаций и переименований, дробления и деления этой структуры? Бакатин, когда Ельцин назначил его новым Директором КГБ, сказал, что этот орган госбезопасности следует расформировать. Степашин, еще один будущий руководитель КГБ, вообще предлагал его ликвидировать. Каково?

26 августа у Бакатина появится помощник-смотрящий, начальник УКГБ по Москве и Московской области, некий сотрудник НИИ Савостьянов, прошедший перед тем капитальную подготовку в спецслужбах США. Уму непостижимо. Параллельным курсом шли погромы в МИДе, в Главной военной прокуратуре, в Генштабе. Своего они добились. Третьего декабря на заседании Совета Республик Верховного Совета СССР был принят Закон «О реорганизации органов государственной безопасности», после чего КГБ СССР прекратил свое существование.

– КГБ нет – теперь делай, что хочешь! – усмехнулся Житников. – А вы слышали, как после роспуска СССР и учреждения Содружества Независимых Государств стали расшифровывать в народе аббревиатуру СНГ?

– Слышал. «Сбылись Надежды Гитлера». А когда 25 декабря в 19 часов 38 минут состоялся спуск флага СССР над Кремлем, Бурбулис уселся в заветное кресло и воскликнул: «Все! Теперь над нами никого нет!» Вот в этой фразе сконцентрирована вся заветная суть их помыслов. Власть любой ценой.

– Но есть же еще Божий суд, – произнес Житников. Грачев не понял: всерьез или это просто «фигура речи»? Уточнил:

– Вы верующий?

– Да, – коротко ответил тот. – И в истории все останется, вся правда и вся ложь. Конечно, историю можно исказить, заменить, подтасовать факты, придумать новые. Чем и занимаются опытные фальсификаторы, подстраивая ее под себя и своих хозяев. Но на истине не лежит «гриф секретности». Она, как лик на замазанной белилами иконе, рано или поздно проступит. А как смотрел на службу госбезопасности Горбачев?

– Злонамеренно. Вот только один пример. В любой стране принято, что перед крупными международными мероприятиями руководитель государства обращается за сведениями и советом к разведке. В июле 1991 года Горбачев должен был встретиться с «большой семеркой» в Лондоне. В сообщениях СМИ витали спекуляции о возможном выделении Советскому Союзу займа в 24 миллиарда долларов. В КГБ были точные сведения, что это блеф и дезинформация. Но этот вопрос даже не рассматривался на Совете безопасности. Все свои международные переговоры Горбачев, Яковлев и Шеварднадзе вели втайне, перестав информировать членов Политбюро и секретарей ЦК партии еще с 1989 года.

Информационное дополнение

КГБ и ГРУ держали в неведении, а о том, что же в действительности происходило в Лондоне на той встрече с «семеркой», наши разведчики узнали только от своей агентурной сети на Западе. Можно ли в такой ситуации говорить о нормальном государственном руководстве в Советском Союзе?

Еще один характерный пример, связанный с «Лучшим немцем». Уже после развала Союза, в 1992 году, Рейган и Горбачев прилетели в Германию по случаю присвоения им званий «почетных граждан Берлина». Уже по прибытии Горбачев узнал, что для того, чтобы их

включить в список, взамен вычеркнули из него маршала Конева и первого коменданта Берлина генерал-полковника Берзарина. Квота у них такая, ограниченная.

И у этого жалкого человека, экс-президента СССР, не хватило ни такта, ни патриотизма, ни простой мужской порядочности отказаться от получения звания такой ценой. Ни слова не сказал они о бывшем «дорогом друге, товарище Хонеккере», который в это время сидел в берлинской тюрьме Моабит, где уже отбыл 11 лет при фашистском режиме.

Еще тогда, когда Горбачев был у власти, он предал своих немецких друзей, да и не только их. Канцлер Коль сам предложил ему назвать круг людей, в отношении которых, в случае воссоединения, следует отказаться от судебного преследования. А среди них было много искренних друзей нашей страны, партийных и государственных деятелей, старых антифашистов, офицеров армии, погранвойск и разведки. Коль был готов принять наши условия. А Горбачев, к изумлению канцлера, заявил: «Это проблема, с которой справятся сами немцы».

И тогда началась вакханалия арестов, судилищ, преследований. Главное, пала вера в достоинство и репутацию нашей страны. В числе жертв оказался и выдающийся руководитель германской внешней разведки Маркус Вольф, который прибыл в Москву в поисках убежища. Но Горбачев даже не ответил на его письмо и практически выдворил из СССР в руки врагов.

Руководство СССР обоснованно опасалось КГБ, скрывало от службы безопасности свои преступные планы. Потом пришли новые правители. Речь уже пошла о смене формации, реставрации капитализма и дележе государственной собственности. Создавалось впечатление, что новая власть, как инородное тело в этой могучей стране, патологически боится спецслужб, в первую очередь – КГБ. Поэтому и предприняли все возможные и невозможные меры по деформации и развалу самой могущественной в мире службы государственной безопасности.

Сначала из состава КГБ были выведены отдельные структуры и переподчинены другим ведомствам. Девятое управление, «девятка», отвечающее за охрану первых лиц государства, было передано в непосредственное подчинение Ельцину и Коржакову. Самостоятельным ведомством стало Первое Главное управление – внешняя разведка. Так же, как и погранвойска. Выведен комплекс управлений, отвечающий за правительственную связь, шифровку и радиоэлектронную разведку. На их основе был создан Комитет правительственной связи при Президенте СССР. Ну и так далее.

– ...Появилось и нечто «новенькое», – продолжал Грачев. – В противовес КГБ СССР было создано АФБ РФ – Агентство федеральной безопасности Российской Федерации. Предусматривалось перевести туда в первую очередь всех поддерживающих новую власть сотрудников госбезопасности. А также заполнить вакансии колеблющимися. Как?

– Сладкими посулами, как же иначе? – усмехнулся Житников. – Так поступали всегда, еще со времен жирондистов во французском Конвенте. Потому их и называли: «болото». Перетекали, куда выгодно в данный исторический момент.

– Верно. И затягивали в свое «болото» других, колеблющихся. Начались уговоры, обещания, перспективы должностей, званий. Меня тоже сманивали, я отказался. Присягу давал Советскому Союзу и КГБ. А вот в моем отделе работал Юрий Заостровский, человек с карьеристскими замашками, так он сразу же перескочил в АФБ помощником руководителя по кадрам, получил еще одну «звездочку» на погоны и стал активно «вербовать» в новое подразделение своих бывших сослуживцев. Я почему вам об этом откровенно говорю, потому что он уже нигде не работает, отовсюду выгнали, и теперь подвизается где-то в Штатах. Таксистом или официантом. Такая судьба всех предателей.

– Не всех, – возразил Житников. – Опять же вспомним Великую французскую революцию. Талейрана. Кого он только не предавал! Церковь, Конвент, Людовика, Наполеона, новых

Бурбонов, опять Бонапарта, снова Бурбонов, и всегда выползал сухим из воды. И закончил свою жизнь в роскошном замке с огромным богатством. Так же, как и его современник Фуше, тоже выдающийся предатель, министр госбезопасности, по аналогии с КГБ.

– Но в истории они все равно остались предателями. А Ельцин на протяжении всей своей жизни относился к КГБ крайне негативно. Неприязнь и недоверие к спецслужбам дошло у него до патологической мании. Скорее всего, из-за того, что он сам тщательно скрывал компрометирующие факты своей биографии при поступлении на руководящую должность в Свердловске.

– А что это за факты? – спросил Житников.

– Репрессированного отца и раскулаченного деда. Он всегда жил под страхом разоблачения, ненависти к органам безопасности, да и не только к ним. К КПСС и к Советскому Союзу тоже. Знать бы имя того разгильдяя-чекиста, который проверял его биографию, когда Ельцин подавал документы на работу в обком.

– И что бы вы с ним сделали?

– Выгнал бы со службы. Ельцин шел на перспективную номенклатурную должность в Свердловске. А потом стал взбираться все выше и выше. И, кто знает, страна могла бы иметь совсем другую историю, если бы он не дорвался до самой главной власти в Кремле. Если бы не оплошность какого-то ленивого или бестолкового капитана УКГБ по Свердловской области.

– Вы, Сергей Витальевич, всерьез считаете, что этот недалёковидный и злосчастный капитан мог повлиять на будущую судьбу СССР?

Грачев немного подумал и ответил:

– Нет, конечно. Нашелся бы другой «Ельцин».

– А вы откровенны. Не забывайте, что Борис Николаевич все еще действующий президент России и обладает сейчас по новой Конституции гигантскими, просто царскими полномочиями, абсолютной властью. Не боитесь?

– Чего?

– Что он может стереть вас в порошок, если ему донесут о нашем разговоре и ваших взглядах?

– Нет, не боюсь. К тому же мы здесь с вами одни, а вам никто не поверит. Да вы ведь и сами под следствием. И еще. Мне кажется, что вы по своему характеру не способны на предательство. А с МИ-6 вынуждены были сотрудничать из-за сложившихся обстоятельств. Да и то, что я вам говорил о Ельцине, обсуждают во всем российском обществе, от Калининграда до Владивостока. Народ уже давно прозрел. Вот почему рейтинг Ельцина сейчас стремительно движется к нулю.

– Что ж, спасибо за доверие.

– Я продолжу. В такой обстановке органы госбезопасности в течение полутора лет оказались практически парализованными. Не было ни оперативных разработок, ни материалов, ни информации. Ничего. Только курение и чаепитие. Скажу вам, Анатолий Львович, откровенно, сотрудники, приходя утром на службу, не знали, доработают ли до вечера. Одна реорганизация сменялась другой. Офицеры по полгода находились за штатами.

Никакое другое ведомство не реформировалось после августа 1991 года с такой частотой, как органы госбезопасности. Сменилось шесть вывесок: КГБ – АФБ – МБВД – МБ – ФСК – ФСБ. С каждой новой «реформой» вымывались лучшие кадры, профессионалы, самые работоспособные звенья системы, все те, кто мог себя безболезненно найти на гражданке.

Житников с любопытством спросил, словно журналист, бравший интервью у генерал-майора госбезопасности:

– Но что же происходило внутри КГБ, каково было настроение сотрудников, их психологический и моральный настрой?

Грачев никогда никаких интервью не давал, особенно на такую тему. Но сейчас посчитал нужным, что надо ответить. Потому что Житников, планируемый им для работы в ФСБ, должен был знать, чувствовать реалии, атмосферу, метафизику и сакральную мистику Лубянки.

Мысленно сказав это, он сам себя и одернул: не слишком ли загнул в своей философической эскападе? Нет, ответил себе, не слишком. Иначе разведчиками и контрразведчиками не становятся. Здесь особая специфика, правда и суть профессии. А вслух продолжил, отвечая на вопрос оппонента и приводя факты и аргументы:

– Оставшиеся в КГБ профессионалы были, мягко говоря, дезориентированы, трудно было вообще понять, что происходит в стране и как теперь строить свою работу. Наверное, в той или иной степени это касалось и сотрудников других ведомств. Ведь не каждый же способен сразу поменять свои взгляды и принципы, как тот же Заостровский.

А главное, что в самый ответственный, важнейший для страны момент, когда спецслужбы западных стран начали хозяйничать в России, как у себя дома, органы государственной безопасности оказались полностью выведены из игры, возможно, по чьему-то злему умыслу. А тут еще Ельцин, чтобы окончательно выслужиться перед Западом, показать им, что он «в доску свой», пошел на беспрецедентный шаг.

В начале 1992 года он помиловал всех без исключения агентов иностранных разведок, осужденных и отбывающих наказание за измену Родине. В обществе посредством СМИ формировалась идея, что эти люди не предатели, а «борцы с тоталитаризмом». Просто они выбрали такой вот способ борьбы с коммунизмом. И каждому из них следовало теперь прокричать, как в фильме «Бриллиантовая рука»: «Не виновата-а-я я!» Да еще, пожалуй, надо было бы им выдать талоны на усиленное питание и денежную компенсацию.

Одновременно были помилованы и многие перебежчики, заочно приговоренные советским судом к высшей мере наказания за нанесенный СССР вред. Первым лозунг «Сражаться с коммунизмом любыми способами и методами» запустил один из самых видных перебежчиков, бывший полковник КГБ Олег Гордиевский. Накануне перестройки он сбежал к англичанам и был заочно приговорен к расстрелу. Как выяснилось в ходе следствия, он сотрудничал с МИ-6 аж с 1974 года.

– Англичанка всегда гадит, – произнес Житников.

Эти слова пришлись по душе Грачеву. Ведь так называлась и операция, которую он вел и в которую намеревался привлечь сидящего напротив него человека.

– Да, гадит, – сказал он. – И всегда гадила. А если взять обозримое прошлое, то резидентуры ЦРУ и МИ-6 с конца 80-х и начала 90-х чувствовали себя в Москве настолько уверенно и спокойно, что вербовали российских граждан прямо в посольстве, при получении виз. Чего далеко ходить, искать где-то? Сами придут. И все это происходило на фоне формирования в обществе через СМИ мнения, что с развалом СССР никаких секретов у нас не осталось и охранять нечего, все вокруг друзья и братья, а госбезопасность – пережиток прошлого. Оставалось только раздеться догола и покорно ждать розог от нового барина.

Министр иностранных дел России Козырев угодливо спрашивал у президента США: «Подскажите, какие у нас должны быть национальные интересы?» Значительная часть разоблаченных впоследствии нами агентов, когда ситуация более-менее стабилизировалась, успела передать иностранным спецслужбам важные сведения военно-технического характера. Например, сотрудник морского НИИ Финкель выдал американцам данные о новейших гидроакустических комплексах. ЦРУ, таким образом, получило информацию о характеристиках новейшего танка Т-82, 10 тысяч листов топографических карт, секретные сведения о торговле Россией вооружением. И таких примеров было достаточно.

– Получается, как на картине Репина «Иван Грозный убивает своего сына», – усмехнулся Житников. – В смысле, подрубали сук, на котором должны были сидеть, свесив ножки. Безумие какое-то.

– Безумие, – согласился Грачев. – Российские власти в одностороннем порядке сворачивали работу своих спецслужб, демонстрируя чудеса миролюбия, аттракцион «невиданной щедрости». В ответ наши зарубежные «друзья и партнеры» лишь радостно потирали руки. Создавали новые резидентуры в бывших союзных республиках.

В этих сложнейших для страны условиях Вадим Бакатин все делал для того, чтобы органы КГБ как можно быстрее были развалены. А чтобы сковать их деятельность и противостояние, тут же объявил реорганизацию. Такой прием довольно часто применяется, когда необходимо парализовать деятельность какой-либо структуры. Вывести всех за штат и попутно освободиться от неугодных руководителей и сотрудников. А также вообще прекратить разработку подозреваемых в преступлениях лиц.

Бакатин откровенно заявлял в печати, что КГБ – самая преступная организация. Что работать в ней позорно. И это говорит Директор КГБ, ничего не смыслящий в его функциях. Для всех без исключения наших сотрудников его слова были шоком. Выходит, все они тоже преступники? А ведь мы привыкли гордиться своей принадлежностью к органам госбезопасности.

Считали на полном основании свою чекистскую деятельность благом для страны. Чувствовали нужность и необходимость в ней. Решали важные насущные вопросы по обеспечению безопасности СССР. А теперь все годы работы, честного, порой рискованного труда, выбросить на свалку?

Я сам молодым опером-лейтенантом, когда начинал службу в КГБ, на брюхе, можно сказать, облазил весь Воронеж и всю область, разыскивая затаившихся изменников Родины со времен Великой Отечественной войны. А было это в самом начале семидесятых, сколько времени прошло с Победы! Но они хорошо попрятались, как мокрицы и тараканы в щели. А некоторые даже вступили в КПСС и занимали ответственные посты.

Далекое прошлое. Начало 70-х годов

Даже спустя четверть века после разгрома фашистской Германии и всей союзнической ей Европы особую значимость составлял поиск государственных преступников времен Великой Отечественной войны на территории СССР. Затаившихся пособников Гитлера хватало до сих пор. Не вымерли, затаились, чего-то выжидали. Все эти изменники, бандеровцы, полицаи, власовцы, диверсанты, шпионы. Те, кто не успел уйти на Запад вместе с отступающими нацистами, а там сдать американикам или английским войскам.

Каратели, принимавшие непосредственное участие в истязаниях и расстрелах мирного населения, были отнесены к особой категории преступников. Розыск их был весьма актуальным направлением деятельности КГБ в те годы. Срок давности за совершенные ими злодеяния на них не распространялся. Но и обнаружить их было не просто.

Они расползлись по территории Советского Союза, словно насекомые-вредители, мимикрировали, меняли окраску, как хамелеоны, затаивались, искажали свои анкетные данные, проживали под чужими фамилиями и именами. Как правило, вдали от мест своего рождения и довоенного проживания, чтобы их случайно не могли опознать односельчане и знакомые. Часто значились в числе погибших или без вести пропавших.

Но в семидесятые годы в Советском Союзе, особенно на бывших оккупированных территориях, все еще гремели открытые судебные процессы по делам государственных преступников, которых удавалось найти чекистам-контрразведчикам.

Молодому воронежскому оперу КГБ Грачеву непременно хотелось выявить и разоблачить хотя бы одного такого изменника Родины. Конечно, не как героя известного рассказа Чехова, который приехал работать следователем в отдаленное и глухое местечко и мечтал отличиться раскрытием громкого преступления, а по его результатам получить назначение в большой город. Тот литературный персонаж сидел и взывал: «Пошли мне, Господи, какое-нибудь кошмарное преступление!»

Безусловно, Грачев не был таким. Но все же мечтал о положительных результатах в своих розысках, а потому и работал от зари до зари, истово, целеустремленно, кропотливо. Изучал ориентировки и архивы по разыскиваемым преступникам, которые регулярно поступали в Управление КГБ по Воронежской области.

В производстве было много интересных материалов. К примеру, дело одного пособника фашистов, уроженца отдаленного села в области. При тщательном изучении архивных материалов Грачев обратил внимание на карточку-анкету агента гестапо по кличке Буйный. Он был завербован и использовался как провокатор для выявления среди военнопленных в «Майда-неке» советских офицеров, евреев, лиц, причастных к подполью и вообще опасных для Третьего рейха.

Карточка-анкета привлекла внимание Грачева еще потому, что две буквы в фамилии были исправлены карандашом, а рядом стояла приписка: «Пропал без вести». После тщательной работы с ориентировками на Буйного, поиском по картотеке в адресном бюро Грачев установил, что, возможно, это некто Буданов Петр Иванович, 1920 года рождения, уроженец и житель села Торопки Воронежской области. Но проживает сейчас совсем в другом селе – Лихоборы. Этот Буданов действительно призывался в армию. По данным военкомата, с фронта он не вернулся, значился пропавшим без вести.

Собранные данные косвенно свидетельствовали о том, что агент гестапо Буйный и житель Лихобор гражданин Буданов – одно и то же лицо. Грачева охватил настоящий азарт охотника на хищного зверя. Волк не волк, но вредная росомаха или куница. Он сразу сделал оперативный доклад Удодову, руководителю отдела, убеждая его в необходимости изучения

и проверки по месту жительства данного объекта. И после получения санкции отправился в это отдаленное глухое село.

Стоял морозный январский день 1971 года. Блестел на солнце пушистый снег, а УАЗ, за рулем которого сидел Грачев, уносился все дальше и дальше от областного центра. В машине он был один. Людей в отделе КГБ не хватало, поэтому Грачев, в нарушение всех инструкций, отправился на операцию в одиночестве. Хотя Удодов категорически запретил это делать. Только вдвоем, с напарником. Но сам поехал на совещание региональных отделов КГБ в Москву, а Грачев рассудил так: во-первых, он пока просто удостоверится, что Буданов – Буйный, а во-вторых, поможет, в случае чего, местный милиционер участковый.

Не учел он только одного: есть ли вообще такой участковый в этом селе? Молодость и неопытность сыграли с ним злую шутку. Да, участковый Григорьев имелся, но на пять сел. И сейчас мотался по ним, не покладая сил. А Грачев мысленно подгонял события, ускорял машину, представлял себе финальную встречу с живым, уцелевшим, а главное, выявленным и установленным им агентом немецкого гестапо.

Он думал: какова же будет реакция Буданова, когда он прижмет его к стенке неоспоримыми доказательствами? Скорее всего, жалким. Таких людей, как правило, под безобидным предлогом вызывали в райвоенкомат или к участковому, а потом уже, в процессе беседы, объявляли истинные причины вызова и существо разговора. Конечно же, человек при этом сильно менялся в лице. Начинал заламывать руки, рыдать, просить снисхождения, а то и попросту валяться в ногах. А в случае с Буйным, вполне возможно, выяснится еще, что он лично мучил и расстреливал пленных советских солдат и офицеров.

Грачев добрался, наконец, до деревни Лихоборы. Дом участкового был пуст. Но в сельсовете нашелся председатель. С его слов Грачев выяснил, что у них в деревне живет такой человек по фамилии Буданов, который прибыл сюда после войны и поселился у местной вдовы-солдатки. Поженились. Год назад она померла. Теперь он скотником в колхозе. Живет тихо, спокойно, не пьянствует.

– А что случилось-то?

– Просто проверка. Где сейчас Буданов?

– Да дома, где ж ему еще быть? Время обеденное, щи, наверное, хлебают.

– Пойдемте со мной, покажите мне его избу.

Они отправились на край села.

– Вот! – показал, приближаясь к бревенчатому дому, председатель. – Ну, я пошел, что ли? Дел невпроворот. К озимым надо готовиться.

– Погодите пока, – ответил Грачев, заметив, как дернулась занавеска в окне дома Буданова. – Может, Матвей Иванович, понадобится. Как свидетель.

Грачев толкнул калитку, пошел по протоптанной дорожке к избе. Председатель, на его счастье, замешкался. Стал что-то кричать проходившим мимо мальчишкам. Может быть, это и спасло ему жизнь. А Грачев, сильно постучав в дверь, сделал два шага в сторону, как учили. И тут же раздался выстрел. Дощатая дверь в избу превратилась в решето, вся в дырках. Как потом выяснилось, Буйный стрелял из охотничьего ружья крупной дробью. На кабана. По-видимому, у него сдали нервы, потому что всю свою послевоенную жизнь ждал, когда за ним придут.

Грачев полез в кобуру за пистолетом, но его «Макаров» остался в отделе, в сейфе. Второпях забыл, так хотелось побыстрее разоблачить Буданова. Что делать?

– Петр Иванович! Ты охренел, что ли? – прокричал у калитки председатель. – Или совсем упился?

– Живым вы меня не возьмете! – крикнул из-за двери хозяин избы. – Все тут ляжете!

И снова прогремел выстрел.

– Буданов, бросай оружие и выходи! – крикнул Грачев. – Мы знаем, что ты агент гестапо Буйный. Сейчас подъедет подкрепление, не усугубляй свою вину.

Последовало еще несколько выстрелов. Буданов палил изнутри дома во все подряд, в окна, стены, потолок. Такое впечатление, что просто сошел с ума. При этом что-то орал, изливался злобой и яростью. Председатель поспешно увел мальчишек подальше. Но народ уже начинал скапливаться на улице, привлеченный выстрелами в мирной тишине села. Затем, после пятиминутной паузы, раздался последний выстрел. И все стихло. Либо патроны кончились, либо...

Грачев снова толкнул дверь, висевшую на волоске, и осторожно вошел в избу. Буданов-Буйный лежал на полу в горнице. А голова его была разнесена вдребезги и представляла собой кровавое месиво. Он выстрелил себе в рот из обреза охотничьего ружья. Так закончилась эта операция по разоблачению изменника Родины, за которую Грачев получил выговор и строгий нагоняй от Удодова за своеволие. Но и похвалу тоже.

Позже Грачев не раз мысленно возвращался к судьбе этого человека. Да, Буданов не понес заслуженного наказания, он ушел от суда. Но он уже был наказан всей своей послевоенной жизнью. Тем, что трусливо прятался, вздрагивал от каждого шороха, страдал, зная, что где-то в другом селе живут его настоящая жена и родные дети, а он не может с ними увидеться. А застрелиться он, наверное, хотел не один раз. Сама судьба наказала его за содеянное. В жизни за все приходится платить. Сполна.

А вот другое дело, благодаря упорству и настойчивости Грачева, уже приобретенному опыту и профессионализму, принесло ему заслуженное одобрение Удодова и коллег, а также лишнюю звездочку на погоны. В 1974 году Управлением КГБ СССР Воронежской области совместно с брянскими чекистами в Богучарском районе был арестован государственный преступник военного времени Владимир Меух. В его розыске и аресте Грачев принимал самое активное участие.

Вначале из Брянского УКГБ пришла ориентировка о розыске этого человека. Во время Великой Отечественной войны на территории этой области он не просто сотрудничал с немцами в качестве переводчика. Нет, участвовал в облавах, арестах партизан, допросах и истязаниях военнопленных. Имелись факты, свидетельствующие о том, что он лично непосредственно расстреливал после допросов партизан и красноармейцев. В гестапо у него была агентурная кличка Вальдемар.

Сам он был уроженцем Тульской области, откуда и был призван на военную службу в Красную Армию. Через какое-то время бежал к немцам, поскольку фашизм был ему идейно близок. При отступлении нацистов исчез. По непроверенным данным, в конце войны даже успел послужить в Советской Армии. Более того, был ранен. Может быть, еще и медаль получил.

Теперь главное. По некоторым свидетельским показаниям, этот Меух мог проживать на территории Воронежской области. Все усилия чекистов были брошены на получение дополнительных данных о разыскиваемом государственном преступнике, его установлении и опознании свидетелями с последующим арестом. Сложность розыска заключалась в том, что в отношении Вальдемара были в основном показания с описанием внешности, черт характера и вообще неточные установочные данные.

Однако некоторые из них были названы конкретно. А именно то, что звали его Владимиром, 1920 года рождения, уроженец Тульской области с интересной редкой фамилией, состоящей из четырех или пяти букв: Меухс или Меух. Поиск по картотеке адресного бюро и учетным данным райвоенкомата результатов не дал. Розыск через милицию по приметам и по ориентировкам на разыскиваемых правонарушителей успехов также не принес. Оставалось надеяться на агентурные источники информации из милиции и КГБ, которые были нацелены на розыск человека в соответствии с ориентировкой.

Вскоре поступила информация из Богучарского горрайаппарата КГБ СССР по Воронежской области о том, что, по данным источника, на Милославском спиртзаводе работает инже-

нер по технике безопасности, по приметам и анкетным данным схожий с разыскиваемым субъектом. Этим инженером являлся Меух Владимир Петрович, 1920 года рождения, уроженец Тульской области. Он год назад прибыл в Милославский район, устроился на местный спирт-завод, живет один в общежитии без прописки.

После скрытого опознания по его месту жительства было установлено, что Вальдемар и Меух В. П. являются одним и тем же лицом. Тут же началась активная разработка последнего на предмет документации его преступной деятельности, поиск сообщников и получения других данных, представляющих интерес для следствия. Одновременно готовился комплекс оперативно-следственных мероприятий по задержанию и аресту Меуха.

Совместно с брянскими и тульскими чекистами скоро было выяснено, что Меух В. П. призывался в армию из Тульской области, сначала воевал в 1942-43 годах, затем сотрудничал с немцами на территории Брянской области в качестве переводчика, истязал партизан и военнопленных, лично участвовал в шести эпизодах по расстрелу советских граждан. Так как у немцев он проходил только под кличкой Вальдемар, ему нетрудно было под своей фамилией Меух при отступлении фашистов влиться в ряды Советской Армии и некоторое время воевать на ее стороне.

Затем Меух прибегает к нетрадиционному методу. Для того чтобы получить документы и льготы, он в одном из боев простреливает себе кисть руки, попадает в госпиталь, где ему ее ампутуют. После госпиталя он без руки, но с медалью, возвращается к себе на Родину как герой. А затем, уже после окончания войны, Меух понимает, что его не ищут, успокаивается, женится, поступает в институт, успешно его заканчивает, а в 1949 году у него рождается ребенок.

Таким образом, в отличие от Буданова-Буйного, Меух почти спокойно жил до 1968 года. До тех пор, пока не арестовали двух немецких пособников, действовавших в Брянской области и визуально знавших Вальдемара как переводчика гестапо. Об этом прошла информация в газетах. Почувствовав жареное, Меух оставил свою семью и бросился в бег, меняя места жительства и работы. Последним его пристанищем стал Милославский спирт-завод. В мае 1974 года источники, используемые в изучении Меуха, стали отмечать его нервозность, злоупотребление спиртным, подозрительность к окружающим.

С учетом полученных данных было принято решение о срочном задержании и аресте этого государственного преступника. Такое решение было правильным и своевременным, поскольку Меух тоже «не дремал». Когда оперативно-следственная группа прибыла в общежитие, он уже оставил заявление об увольнении и паковал чемоданы. Хотел в очередной раз удариться в бег.

Когда Меух стоял с чемоданом в комнате общежития и увидел Грачева, то будто бы ждал этого момента все последнее время.

– Это конец... – только и сумел выговорить. И медленно опустился на стул.

Дальнейшее – по справедливости. Под неопровержимыми данными Меух признался в содеянных преступлениях, которым нет ни срока давности, ни снисхождения. Суд приговорил его к высшей мере наказания.

И третье дело, которое несколько отличается от предыдущих. Оно показывает гуманность органов госбезопасности даже к таким военным преступникам. А суть такова.

В отношении подозреваемого в совершении преступлений в годы Великой Отечественной войны Петрова проводились мероприятия по выяснению его деятельности и местонахождения с августа 1944 года по октябрь 1945 года. Имелись подозрения, что Петров, находясь в плену, был завербован немцами для совершения разведывательно-подрывной деятельности на территории Советского Союза. И в это время, возможно, забрасывался с диверсионным заданием в СССР.

Однако по окончании войны он отказался от преступной деятельности и возвратился в Воронежскую область. Все подходы по выяснению местонахождения Петрова в этот важный послевоенный период заканчивались безрезультатно. Последним шагом было спланированное мероприятие, связанное с вызовом проверяемого человека в райвоенкомат и беседой с ним по этому периоду. А затем, по возвращении его домой, шел контроль, разговоры с женой, которая, по данным контрразведки, была осведомлена о его деятельности в этот период.

Такие мероприятия всегда готовились тщательно, скрупулезно. В них, как правило, было задействовано немало людей. Увязывались факты и события, прогнозировалась возможная деятельность проверяемого. Все это требовало немало времени и усилий. Когда все это было преодолено и проделано, Грачев пришел на доклад к начальнику отдела Удодову. Это было 7 мая, накануне Дня Победы. Сказал, что пора «брать».

– Согласен, оцениваю твою работу в высшей степени положительно, – ответил Удодов. Помолчал. Затем вдруг высказал свое мнение-рекомендацию:

– Я уверен в результативности подготовленного мероприятия. Но давай проведем его не 7 мая, а после празднования Дня Победы.

Грачев несколько огорчился, поскольку хотелось взять бывшего диверсанта как можно быстрее.

– Чего тянуть с этим фашистским недобитком? – спросил он.

Но Удодов пояснил свое решение так:

– А вдруг, хотя вероятность этого мала, всего процентов десять, информация не подтвердится? Тогда мы не только обидим, но и испортим подозреваемому человеку и его семье праздничное настроение на всю жизнь. Нет, давайте отложим дня на три.

Вначале Грачев был действительно расстроен тем, что большой объем проделанной подготовительной работы был проведен впустую и потребует новых усилий.

Однако, сидя за столом в своем кабинете, глубоко поразмыслив, он осознал в этом решении правильность и глубокий смысл поступка Удодова. Его душевность и человечность.

Удодов был не только руководителем подразделения органа государственной безопасности, но сам прошел войну и глубоко понимал всю значимость Дня Победы для фронтовиков. Это была удивительная порода людей, от которых всегда исходил неожиданный и ничем не объяснимый импульс доброты и человечности. Даже в подобных непростых ситуациях. Сейчас таких людей нет, или их очень мало. Время другое.

А Петрова Грачев с коллегами, конечно же, взял, и он оказался именно тем военным преступником, которого столь долго и безуспешно разыскивали.

Кабинет Грачева. 9 февраля. 22:30

Грачев продолжил разговор с Житниковым о «Времени предателей».

– На чем мы остановились? – спросил он, уточняя. Более для него, чем для себя.

– На развале КГБ после путча. На том, что это делалось намеренно и целеустремленно, – ответил Житников. И добавил: – На предательстве.

– Ну да. Так оно и называется. Пример: сам Бакатин, назначенный директором КГБ. Пятого декабря 1991 года он передал послу США в СССР Джеймсу Коллинзу техническую документацию, относящуюся к установке и использованию сверхсекретных подслушивающих устройств в новом здании посольства США на Новинском бульваре. Это ли не прямое предательство, Анатолий Львович?

– Да, – вынужден был согласиться Житников. – Может, бес попутал? А так-то он ведь мужик неплохой, я его хорошо знал.

– Ну, может, и бес. А скорее всего, его собственная глупость и желание выслужиться перед новой властью, угодить ей, показать себя правее папы Римского.

– Знаете, в советское время была такая шутка: комсомол, задрал штаны, бежит за партией, чтобы обогнать.

– Примерно так. Мы позже, когда он вылетел из КГБ пинком под зад, проверяли: не был ли этот «бес» с английским акцентом?

– И что же?

– Нет, агентом ЦРУ или МИ-6 Бакатин не был. Все свои предательства совершал исключительно по собственной инициативе. А вершиной его тупости была так называемая политика прозрачности в деятельности органов госбезопасности. Тогда же сформулировал свои идиотские «Основные принципы реформы КГБ». Это: «Дезинтеграция. Лишение КГБ его монополии на все виды деятельности, связанные с обеспечением безопасности. Ликвидация КГБ как КГБ». Вы только вдумайтесь в это. КГБ не должно заниматься государственной безопасностью. А чем же тогда? Финиками на базаре?

– Действительно глупость. Театр абсурда какой-то, цирк дю Солей.

– Или «Уголок Дурова» с дрессированными зверьми. Ну дурак, и все. Интересно, о чем он думает сейчас, сидя как нашкодивший кот на своей подмосковной даче, не смея от стыда даже носа оттуда высунуть? Было бы просто любопытно посмотреть ему в глаза.

Грачев помолчал, стал расхаживать по кабинету. И говорить:

– На Лубянке в основном здании стали шастать какие-то одиозные подозрительные личности, которых в советское время и на пушечный выстрел к КГБ не подпустили бы. Они знакомились с секретными документами, а куда потом уходила информация? Разрешение на это они получили от Бакатина. Более того, им даже выделили кабинеты, и они ежедневно приходили к нам, в Центральный аппарат, как на службу.

По распоряжению Бакатина они имели право запрашивать для ознакомления любые документы и материалы, даже с грифом секретности. Основная проблема была еще и в том, что перед ними оказались распаханутыми архивы госбезопасности, включая агентурные дела и оперативные разработки. Как на блюдецке в ресторане. Заказывай, что хочешь.

Тотчас же в газетах стали появляться сенсационные статьи, уличающие разных людей в сотрудничестве с КГБ. Все громче из стана демократов звучали призывы полностью открыть архивы КГБ и предать огласке фамилии людей, негласно связанных с органами госбезопасности. Советник президента Ельцина Старовойтова носилась с идеей о принятии закона о люстрации, который объявлял бы запрет на профессию для бывших сотрудников КГБ. Она заявляла, что агентуру использовать безнравственно. Хотя должна была бы знать, что такого рода источники используют все спецслужбы мира.

«Смотрящими» от демократов на Лубянке стали бывшие диссиденты и правозащитники, в частности пресловутый Сергей Ковалев. Мало того, что в свое время они сами были сексотомами Комитета, стукавшими друг на друга. Но за различные финансовые преступления, сотрудничество с западными спецслужбами, а то и за прямую измену Родине, не считая такой мелочи, как сексуальные извращения, их самих можно было в советское время прямым ходом отправлять на нары. Теперь нет. Теперь они диктовали правила и законы. Потом еще и свою Конституцию нам навяжут.

– Ну, теперь вы еще и против Конституции пошли, Сергей Витальевич. Совсем, говоря на молодежном сленге, края потеряли.

Житников засмеялся. Грачев улыбнулся:

– И рамсы попутал, добавьте. Но вы ведь сами видите, что эта Конституция написана по американским лекалам, с помощью американских же советников и нашими доморощенными иноагентами. Придет время, поверьте, может быть, лет двадцать пять, когда ее заменят другой, нормальной, или хотя бы внесут в нее существенные поправки. А то сейчас получается, что даже наше законодательство подчинено международному праву. А Центробанк вообще отпущен в вольное плавание.

Согласно положениям той же Конституции, Центробанк является независимой институцией. Это означает, что, чисто по букве закона, его руководство не должно напрямую подчиняться ни одной из существующих ветвей российской власти. Где это видано? Что данный орган должен вести свою денежно-кредитную политику исключительно самостоятельно и даже в какой-то степени противостоять правительству и президенту в кризисных ситуациях?

– Или сам создавать их по воле Запада, – добавил Житников. – Это мне хорошо известно. Можно даже искусственно вызвать инфляцию.

– Хотелось бы поговорить об этом с вами подробно, но потом, – заинтересовался Грачев. – Вернемся к КГБ.

Когда руководителем в Комитет пришел Баранников, в чекистской среде к нему отнеслись настороженно. Он был выходцем из милиции, а еще со времен Щелокова МВД и КГБ друг друга недолюбливали. Даже противодействовали. С тех пор негативное отношение у чекистов к милиции не изгладилось. Настораживало еще и то, что Баранников чересчур быстро перестроился на демократический лад и активно участвовал в мероприятиях у Белого дома во время ГКЧП. Кроме того, у кадровых сотрудников КГБ всегда было скептическое настроение к тем, кто приходил управлять Центральным аппаратом со стороны, к их способностям разбираться в разведке и контрразведке.

Надежды в основном связывали с тем, что он начинал свою трудовую деятельность рядовым оперуполномоченным, прошел все ступени карьерного роста, должен был больше понимать жизнь, в том числе и обычных сотрудников. И главное, знал азы оперативной работы. Уже немало. И действительно, надежды в какой-то мере начали сбываться. Особенно когда в первый же день своей деятельности Баранников узнал, что в здании Министерства госбезопасности на Лубянке присутствуют посторонние. Да еще сидят в как бы собственных кабинетах. А это были Глеб Якунин, Сергей Ковалев, Лев Пономарев и Владимир Буковский. Тогда он в сердцах, с милицейской простотой велел гнать их «к чертям собачьим поганой метлой». Отобрать у них пропуска и больше никогда сюда не пускать.

Так мы с удовольствием и поступили. Признаюсь, я сам лично вывел за шиворот упирающегося Ковалева и отряхнул руки от его перхоти. Но все это была лишь капля справедливости в мутной реке позора и предательства страны. Однако чекисты вздохнули с облегчением. «Светочи демократии» испарились в один миг. Забыли даже под столом свои любимые домашние тапочки.

– Оставалось вам только обрызгать святой водой их кабинеты, – снова повеселел Житников.

– Баранников считал одним из главных приоритетов деятельности нового министерства борьбу с коррупцией и организованной преступностью, – продолжил Грачев. – Обстановка в стране того требовала. Пора было наводить порядок, иначе Россия могла совсем погрузиться в криминальный хаос. Уличная преступность – это одно, ОПГ – другое, серьезнее, но еще важнее – на высшем чиновничьем уровне. Предприимчивые члены правительства, начальники министерств и ведомств, быстро перекрасившиеся номенклатурные партийные функционеры, – все они наперегонки, как угорелые от допинга спортсмены, бросились растаскивать государственную собственность.

– Как хищники в лесу, – поправил Житников. – На моих глазах происходило.

– Вот-вот. Иной раз кажется, что только отстрел «хищников» и помог бы.

– Ну, это уж вы слишком.

– Ничего не слишком. К сожалению, многие наши материалы и заготовки так и остались нереализованными в связи с событиями августа 1991 года. До конца оперативно доводились в основном дела по контрабанде. Они не требовали долгосрочного изучения, да и документировались легче. Как говорится, с поличным, с ходу, при задержании на таможне или на границе с преступным товаром. Здесь тебе и документация, и доказательная база, и твердые основания для возбуждения уголовного дела.

Хотя, надо признать, что и тут не всегда было все просто. Опытный преступник, как правило, совершенствуется, тщательно готовится к криминальному деянию, так как тоже просчитывает все варианты и не исключает возможность попадания в поле зрения компетентных органов.

– Интересно вас слушать. Не в порядке приобретения такого опыта, но из чисто человеческого любопытства. А было, когда контрабандист вас перехитрил? – спросил Житников.

– Увы! – признался Грачев. – Ну, или почти обманул. Вспоминается такой характерный случай.

– Расскажите. Если, конечно, устав позволяет.

– Да не секрет.

Как один хитрец перехитрил само КГБ

Четыре года назад, – начал Грачев, – накануне распада СССР, к нам поступил сигнал, что житель Москвы, некто Савитский Владимир Иосифович, намеревается выехать за границу с последующим невозвращением. Да еще контрабандным путем вывезти значительную сумму долларов. Но и этого мало. Кроме того, изыскивает возможность докупить определенную сумму в дополнение к уже имеющейся. Словом, по всем параметрам, наш клиент.

Используя благоприятную ситуацию, мы через своего информатора, знавшего объект по совместной учебе в институте, бросили наживку. Предложили ему для покупки 10 тысяч долларов. Савитский клюнул. Все шло удачно. Когда получили согласие на покупку, прежде времени порадовались. Выделенные на проведение оперативных мероприятий деньги поместили специальным средством. За перемещением долларовых купюр организовали наблюдение с использованием специальной аппаратуры.

Савитский в общей сложности планировал вывезти порядка миллиона долларов. Хранил денежные средства у себя в квартире. Аппаратура, установленная недалеко от дома, фиксировала наличие метки в квартире проверяемого. Рыбакам оставалось только выловить этого крупного зеркального карпа. И вот настал день вылета Савитского в Израиль. Данные о часе вылета и номере рейса были получены раньше, во время покупки авиабилета.

Мы усилили наблюдение за Савитским накануне отъезда. Как сообщали поисковые службы, объект из квартиры никуда не выходил, постоянно находился на месте. И каково же было наше удивление, когда рано утром следующего дня, при отъезде Савитского в аэропорт, средствами контроля наша метка не фиксировалась...

Для беспокойства и тревоги были все основания. Потеря метки – это прокол в работе. А исчезновение 10 тысяч долларов – это еще и финансовый ущерб органам госбезопасности. Словом, провал. Можете представить мое состояние как руководителя подразделения, отвечающего за успех этого чекистского мероприятия?

– Могу, – ответил Житников. – Ну а куда она могла деться, эта проклятая метка?

– Да еще вместе с деньгами, – добавил Грачев. – Не проглотил же он все это за завтраком? Единственное, что можно было предположить, это то, что Савитский сумел каким-то образом выйти из квартиры незамеченным и переместил деньги в потайное место. А может быть, это случилось в аэропорту. Тогда он просто волшебник.

– В любом случае, достойный противник, – согласился Житников. – Не зеркальный карп, а целая барракуда. Такой и в Мертвом море, в сторону которого он направлялся, гешефт на воде сделает.

Грачев усмехнулся.

– Вы как всегда метафоричны. Однако поисковики уверенно заявили, что из дома Савитский не выходил. Это меня вконец озадачило. Оставалось одно. Объект обнаружил метку и смысл ее в унитаз. Тогда, с учетом складывающейся ситуации, было принято решение усилить мероприятия по отслеживанию Владимира Иосифовича при прохождении им таможенного и пограничного контроля. А на территории аэропорта наблюдение за ним не вести, чтобы не спугнуть объект.

Пришлось направить дополнительную группу оперработников с техникой по обнаружению метки. Итого на одного хитреца уже была задействована целая бригада чекистов. Да самая современная аппаратура. Оставалось только сидеть и ждать, не бросит же он доллары в СССР? Не для того копил и так цеплялся за них.

Но каково же было наше очередное удивление, когда сообщили, что регистрация на рейс закончена, а Савитский на нее не явился. Что за дьяволы? Вот уж действительно, тут уже не просто барракуда, а какая-то рыба-черт. Ну, думаю: вот тебе, Сергей Витальевич, и первое

твое острое, активное чекистское мероприятие в Центральном аппарате – ни денег, ни метки, ни объекта. И как теперь выходить из сложившегося положения? Непонятно.

Но удача – это такой аналог счастья, которое редко, но иногда идет нам навстречу. Мне звонит из аэропорта наш сотрудник и сообщает:

«– Сергей Витальевич, метка обнаружена! Деньги изъяты у женщины, гражданки СССР, Пуховой Ирины. Сейчас разбираемся в ситуации и документируем состав преступления.

– А Савитский? – спрашиваю я.

– Не обнаружен».

Ну, ладно. Хоть деньги вернулись. Нервное напряжение пошло на убыль, но задача найти фигуранта оставалась. Однако проведенные оперативно-розыскные мероприятия в аэропорту и по месту жительства Савитского закончились безрезультатно.

– Что же произошло? Куда делся этот волшебник?

– Как выяснилось в процессе следствия по делу Ирины Пуховой, она являлась любовницей Савитского. Они встречались тайно, поскольку она была замужем. Решение о выезде за границу с последующим невозвращением приняли совместно. Как она пояснила, накануне они встретились на квартире Савитского. И обговорили все детали задуманного.

Перед ее уходом любовник вручил ей объемную опломбированную черную сумку и попросил взять ее с собой в самолет. Объяснив это тем, что у него и так большое количество вещей, а самое ценное он положил в сумку и доверяет ей. Такие показания Пухова давала мне, наверное, чтобы отвести от себя состав преступления, а на самом деле, скорее всего, была обо всем осведомлена. И преступный умысел имела.

Савитского не было возможности допросить. Как показали дальнейшие события, он тщательно подготовился к совершению контрабандных действий. В аэропорту он наблюдал за Пуховой с балкона, как она проходит пограничный и таможенный контроль. Так что операцию по ее задержанию он засвидетельствовал воочию.

Савитский не мешкал. На этот случай у него был запасной вариант и второй паспорт с другой фамилией. По нему он тут же приобрел билет в Германию, а через пару часов вылетел в Берлин. В Россию больше не вернулся. Для него все сложилось более-менее удачно. Правда, оставил здесь значительную сумму долларов. Но зато избежал тюрьмы. А от суммы такие хитрые океановодные рыбы застрахованы по определению. Хотя, как говорится, и на старуху бывает проруха. Рано или поздно какая-нибудь другая, более хищная обительница подводных глубин его слопают...

– Уж несомненно. А что стало с Ириной Пуховой? – с интересом спросил Житников.

– Отбыла в следственном изоляторе положенный срок следствия и понесла условное наказание. Как видите, Анатолий Львович, чекисты и в это трудное для страны время, в условиях надвигающейся катастрофы и хаоса, продолжали честно выполнять свой гражданский долг. Выявлять и пресекать криминал. Но Савитский не был фигурой большого политического ранга. Всего-навсего удачливый коммерсант. Гораздо труднее подобраться к тем, кто занимает высокий государственный пост.

– Кого вы имеете в виду, Сергей Витальевич?

– Ну, хотя бы вашего приятеля, первого заместителя министра финансов Вавилова.

– Он мне несколько не приятель, просто знакомый.

– А вы знаете, что в криминальных кругах по нашим сводкам он проходит под кличкой Хромой? Вот уж где самый яркий пример наглой и безнаказанной коррупции. И таких примеров можно привести достаточно. Нет, нужна летопись криминала и коррупции, начиная с 90-х годов. Читать, не оторвешься. Ладно, заканчивайте свою «Записку», а то мы что-то разговорились. А время уже позднее.

Информационная справка

Андрей Вавилов бесконтрольно распоряжался огромными бюджетными средствами, как своими личными. Перечислял их в различные сомнительные операции, разработал и осуществил с заинтересованными лицами пресловутые залоговые аукционы, когда по бросовым ценам за государственные деньги частными лицами были приобретены «Норильский никель», «ЮКОС» и другие сказочные предприятия.

За такие услуги он получал долю акций в компаниях, нефтяных месторождениях и просто денежные средства в зарубежных банках. В конечном итоге Вавилов стал владельцем нефтяной компании. Умело строил отношения со многими влиятельными руководителями страны и акулами бизнеса за счет раздачи государственных финансовых средств. На неоднократную информацию службы госбезопасности руководство страны не реагировало.

Егор Гайдар эти докладные записки о коррупции, воровстве и хищениях демонстративно в присутствии своих младореформаторов, причмокивая, как вампир-оборотень, губами, бросал в мусорную корзину. Лицемерие не имеет границ. Об этом свидетельствуют претензии со стороны Егора Гаидара к Министерству безопасности, дескать, никакой серьезной информации правительство не получало:

– Я предпринимал постоянные, как правило, бесполезные попытки получить от этого ведомства сведения о коррупции в министерствах и аппарате правительства... Как потом выяснил, и президенту такой информации тоже не поступало. В общем, не понятно, работает ли МБ, а если работает, то не в интересах государства.

Словом, все с ног на голову. И только когда руководителем правительства пришел В.С. Черномырдин, ситуация несколько изменилась. В отношении Вавилова началось разбирательство. Оно шло со скрипом, ему противодействовали его подельники-демократы в высших эшелонах власти. Да и к Черномырдину он каким-то образом втерся в доверие.

После ухода с занимаемой должности Вавилов организовал очередную аферу. Проплатил по 30 тысяч долларов пензенским депутатам, и они его от своей области делегировали в Совет Федерации. А как иначе он, совсем неизвестный в области, стал вдруг ее представителем в высшем органе власти и недосыгаем за совершенные преступления? Таким образом он ушел от ответственности, получив иммунитет неприкосновенности. А потом и срок давности наступил... Так и избежал наказания этот «хромой бес».

История с Вавиловым была по-своему беспрецедентна. Он был настолько одиозной фигурой, что буквально все правоохранительные органы подключились и совместно шли по его следам. Отдел Грачева тоже, чтобы, в конце концов, изобличить мошенника. Был задокументирован факт хищения у государства с помощью хитроумной криминальной схемы около 300 миллионов долларов.

Минфин выделил эти деньги руководству МАЛО «МиГ» для производства истребителей МиГ-29 под контракт, который так и не был заключен. А выделенные финансовые средства по этой сложной схеме ушли за границу. За этой сделкой стоял Вавилов. Им подписывались все документы, в том числе и на перечисление. Было возбуждено уголовное дело. Данная ситуация в отношении сенатора Вавилова рассматривалась в Верховном суде, который постановил, что в действиях бывшего замминистра финансов найдены признаки состава преступления.

Вавилов, чувствуя, что дело пахнет жареным, распродал свои преступно нажитые активы. Вырученные деньги перевел за границу, где аккумулировал капитал в размере около миллиарда долларов. Позже и сам уехал за рубеж, где нынче и проживает, да к тому же активно на наворованные деньги ведет подрывную деятельность против России.

– Закончили? – спросил Грачев, видя, что Житников опять отложил ручку и откинулся на спинку стула.

– Пока все, Сергей Витальевич.

– Хорошо. Давайте сюда вашу повесть о неразделенной любви Тристана и Изольды, поглядим, что вы за писатель. Тянете ли на Николая Васильевича Гоголя?

– Извольте, господин Белинский.

Грачев взял плотную пачку бумаги и углубился в чтение. Но перед этим вызвал секретаршу и попросил принести им чаю с бутербродами. Допрос-разговор с Житниковым продолжался уже десять часов, а день перешел в ночь.

Объяснительная записка № 1. Из архива. Засекречено

В настоящей Записке я хочу рассказать о сложившейся ситуации, причинах и обстоятельствах ее возникновения, и к каким последствиям это привело.

Начиная с 1989 года, я сотрудничал с Кириллом Иосифовичем Богдановичем, президентом объединения «Артника», в качестве вице-президента. «Артника» – это обычная коммерческая структура, целью которой было зарабатывание денег путем торговых операций. Мы успешно работали в области покупки-продажи компьютеров, сырья и т. д.

В конце 1990 года К.И. Богданович установил тесные отношения с Александром Александровичем Букреевым, руководителем ряда коммерческих структур, деятелем шоу-бизнеса и, одновременно, руководителем коммерческого банка «Забота». В этом банке в итоге был открыт для «Артники» счет и туда были переведены все средства в сумме нескольких миллионов рублей. В результате ряда неудачных операций у «Артники» возникли финансовые проблемы, которые К.И. Богданович решил с помощью А.А. Букреева.

В дальнейшем у них возникли разногласия, и Букреев стал требовать от Богдановича сумму, эквивалентную 1 миллиону долларов США. Это поначалу был чисто коммерческий вопрос, и Богданович решал его с Букреевым самостоятельно. Я так никогда с Букреевым и не встречался, и суть их взаимоотношений знаю только со слов Богдановича К.И.

В дальнейшем мне стало известно, что Букреев начал угрожать Богдановичу репрессивными мерами, имея в виду привлечение для выяснения взаимоотношений «параллельные структуры» (т. е. представителей преступных группировок). Богданович начал регулярно получать звонки от неизвестных лиц с угрозами физической расправы над ним, его женой и дочкой. Атмосфера накалилась и стала очень сложной, т. к. Богданович был очень напуган, полностью деморализовался, перестал в течение ряда месяцев выходить из дома, не выпускал также и членов семьи, отвечать на звонки и т. д.

Единственной, практически, его связью с внешним миром был я и мои водители – Борисов и Дупленский, которые привозили семье продукты, лекарства и т. д. В сложившейся ситуации я стал искать выход из положения, т. к. это не могло продолжаться бесконечно долго. Выход, на мой взгляд, был один – найти контакт с представителями других «параллельных структур» и обратиться к ним за помощью.

К тому времени мной уже был создан Центр «Рекон-сил» (май 1991 г.), где одним из моих партнеров был А. Полубояров, с которым я поделился сложившейся ситуацией. Он сказал, что у него есть необходимые контакты, и предложил мне организовать встречу. Таким образом я познакомился с В. Владимирским, А. Воробьевым и Г. Андроновым, которые предложили мне взять «Реконсил» под «защиту».

Я же сначала хотел ограничиться разовым знакомством с ними с целью поручения им конкретного задания (решения вопросов, связанных с Букреевым и Богдановичем), которое должно было быть соответствующим образом оплачено.

При этом в «установочном разговоре», т. е. при знакомстве, я просто им сказал, что у одного моего знакомого имеются проблемы («камешек в ботинке»), не называя никаких имен. Мне сразу было сказано, что раз у знакомого проблемы, тем более партнера, то в дальнейшем проблемы могут возникнуть и у меня. И предложили не разовый контракт, а постоянную «защиту».

В сложившейся ситуации мне показалось, что другого выхода, кроме как принять их условия, у меня нет. И я согласился на постоянное взаимодействие с В. Владимирским, А. Воробьевым и Е. Андроновым. Они мне, по моей просьбе, пояснили, что «замыкаются» на Сильвестра....»

На этом месте Грачев оторвался от листов бумаги и посмотрел на Житникова.

– Да, тот самый, – кивнул бизнесмен, внимательно наблюдавший за его лицом. – Главный криминальный авторитет в столице, хозяин Москвы, как его иначе называют. Он же «Тракторист», он же Тимофеев. Начинал как лидер Ореховской группировки. Потом подмял под себя всех. Да вы и сами, конечно, знаете.

Грачев это, разумеется, знал. Более того, курировал Тимофеева.

– По слухам, он и в вашу контору иногда заглядывает, – продолжил Житников. – С большими генералами дружит.

– Болтают.

Последнего так уж напрямую не было, но по сути верно. Сильвестром занимался как раз контрабандно-экономический отдел Грачева, не упускал его из видимости. Контролировал. Финансовые преступления и криминальные группировки как раз входили в сферу его обязанностей, равно как и коррупционные составляющие. А для зарубежных разведок все это представляло самый лакомый кусок. Что ж, теперь все становится еще интереснее. «Надо вызвать Тимофеева и пообщаться на эту тему, – подумал Грачев. – Давненько не виделись. Уж с месяц как».

Война всех против всех. Информационная справка

Сергей Тимофеев родился в 1955 году в деревне Клин под Новгородом. И действительно работал трактористом еще со школы. Был физически очень сильным, к тому же овладел восточными единоборствами и рукопашным боем. Интересно, что в армии служил в элитном Кремлевском полку. Потом окончательно перебрался в столицу и жил в общежитии в районе Орехово-Борисово. Занимался частным извозом. Но это не приносило ему желаемых доходов. В середине 80-х годов Тимофеев связался с наперсточниками. Быстро поднялся над всеми, занял главенствующую роль. Подчинил себе всех частных извозчиков, наперсточников, автогонщиков на южной окраине Москвы.

После выхода закона «О кооперации» Тимофеев создал свою группировку, костяк которой составляли бывшие молодые спортсмены. Основным их занятием стал рэкет. Уже в то время бригада Сильвестра (так он назвал себя в честь своего голливудского кумира), стала конфликтовать с чеченцами из-за рынка в Южном порту. Для борьбы с ними Тимофеев привлёк других этнических русских – лидеров организованных преступных группировок (ОПГ) Михася, Аверу-Старшего, Люстрика.

За вымогательство денег у кооператива «Фонд» отправился на три года за решетку. Свой срок Сильвестр отсидел в Бутырской тюрьме и вышел на свободу в 1991 году. Освободившись, он сумел создать единую криминальную структуру, объединив под своей властью мелкие банды, действовавшие в столичном районе Орехово-Борисово. За короткий период Тимофеев обложил данью все крупные организации и предприятия на юге Москвы, а также множество кафе, ресторанов, ночных клубов, индивидуальных предпринимателей. Ореховская ОПГ постоянно отвоевывала территории у других банд, что приводило к затяжным криминальным войнам.

По некоторым сведениям, в то время несколько «славянских» воров предложили Сильвестру стать вором в законе, однако по неизвестной причине он отказался. Чуть позже Сильвестр обзавелся нужными знакомствами, которые помогли ему быстро подняться к вершинам уголовной иерархии. Он дружил с влиятельными ворами в законе и авторитетами Росписью, Япончиком, Петриком, Джамалом, Цирулем, Отари Квантришвили, Михасем. Практически все убиты. Одно время Ореховская группировка даже объединилась с Солнцевской, чтобы эффективнее противостоять другим этническим группировкам в Москве.

В решении конфликтов Тимофеев порой прибегал к помощи «измайловцев», «гольяновцев», «таганцев», «перовцев». Тимофеев также имел связи с екатеринбургскими группиров-

ками, которые в обмен на долю в доходах от аэропорта «Домодедово» уступили ему часть уральского бизнеса, в том числе и акции некоторых крупнейших приватизированных металлургических предприятий. В 1992 году женился на Ольге Жлобинской и получил гражданство Израиля. Позднее Жлобинская возглавила «Московский торговый банк», где в 1992 году коммерческая структура Бориса Березовского «Автомобильный Всероссийский альянс» разместила денежные средства. Банк задержал выплату денег Березовскому. К 1994 году Сильвестр вступил в конфликт со значительной частью других группировок Москвы, в том числе этнических. Он один за другим брал под свой контроль банки, устраняя всех, кто вставал на его пути.

Тимофеев также интересовался нефтяным бизнесом, из-за чего у него возник конфликт с главой Партии спортсменов России Отари Квантришвили. Они не поделили Туапсинский НПЗ (нефтеперерабатывающий завод), и 5 апреля 1994 года Квантришвили был застрелен снайпером. Это громкое убийство организовали по приказу Сильвестра лидер Медведковской ОПГ Григорий Гусятинский (Гриня) и Сергей Буторин (Ося), а выполнил Алексей Шерстобитов (Леша-Солдат).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.